

ВАРВАРА ЕНАЛЬ

ЖИВЫЕ

ЗЕМЛЯ БУДЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАМ

Живые

Варвара Еналь

Земля будет принадлежать нам

«Росмэн»

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Еналь В. Н.

Земля будет принадлежать нам / В. Н. Еналь — «Росмэн»,
2016 — (Живые)

ISBN 978-5-353-08134-0

Пути героев саги разошлись: Таис с Федором живут на Земле, а Эмма стала членом команды космических миротворцев. Повзрослевшие подростки обрели новых друзей и встретили новых врагов. И везде – и на Земле, и в космосе – им приходится сражаться с роботами. Сами роботы считают себя новой расой, пришедшей на смену человечеству. Удастся ли детям со станции Моаг вновь встретиться и сбудутся ли слова, которые Федор повторяет про себя как клятву: «Земля будет принадлежать нам»?

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08134-0

© Еналь В. Н., 2016
© Росмэн, 2016

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Варвара Еналь

Земля будет принадлежать нам

В серии «живые» вышли книги:

1. Мы можем жить среди людей
2. Мы остаемся свободными
3. Земля будет принадлежать нам

© В. Еналь, текст, 2016

© ООО «РОСМЭН», 2016

* * *

Часть I

Мир полон роботов

Глава 1

Таис. Опасный океан

1

Перед рассветом океан наливался тревожной темнотой, нервничал и выдыхал тепло. Неугомонный прибой зло и быстро бился о скалы, рассыпая искристые брызги, и казалось, что он предвещает неприятности.

Время тянулось медленно, точно зависший в планшете файл. Горизонт еле светлел, становясь то серым, то зеленым и уже после розово-белым. Солнце обещало вот-вот выползти и согреть озябшие за ночь скалы. Таис поежилась, поплотнее запахнула на плечах шерстяную накидку, переступила босыми ногами и слизнула с губ соленые капли. Скоро должны были вернуться рыбаки, и она всматривалась и всматривалась в темные волны, пытаясь углядеть лодки, которые с деревянного мостика казались крошечными, какими-то ненастоящими.

В эту ночь океан был спокоен, и рыбалка обещала удачу. Много рыбы, много еды и много блестящих перламутровых монет, сделанных из ракушек: они выручат их за излишек рыбы.

Хотя не стоит слишком обольщаться: доля Федора в улове мизерна, на еду еле-еле хватает. Так что о множестве ракушечных монет мечтать не стоит. Таис и не мечтала. На самом деле ее злила здешняя торговля, здешние деньги и здешний товар. Ей и даром не надо длинных юбок из грубого ситца или клетчатых накидок из колючей шерсти. На самом деле она бы с удовольствием убралась с Нелегального острова и забыла здешние порядки как страшный сон...

Горизонт между тем сверкнул розовыми всполохами, по воде побежали яркие блики, а края редких облаков вспыхнули, отражая лучи еще не успевшего подняться светила. Момент, когда ленивое и большое солнце выползало из-за кромки океана, был невероятно прекрасен. Он нравился Таис, и она, ожидая Федора с ночной ловли, неизменно выходила на деревянный мостик, повисший над бушующим внизу прибоем, и до рези в глазах всматривалась и всматривалась в горизонт. Планета Земля была красивой, хоть и неласковой, злой и опасной.

Вот взять хотя бы солнце и океан. Оба эти явления казались настолько прекрасными, что невозможно было отвести глаз: смотри и восхищайся сколько душа пожелает. Но это же самое солнце днем жарило немилосердно, иссушая землю, и приходилось таскать и таскать тяжеленные кувшины воды, чтобы полить огород. А иначе смерть от голода. Настоящая реальная смерть.

Это вам не нижний уровень станции, где Таис всегда знала, что хоть пару шоколадок и чипсы на ужин она обязательно раздобудет. И это вам не роботы, которых можно было взломать, победить или отключить. А попробуй отключи солнце!

Или океан! Попробуй отключи яростный прибой! Недаром дома тут строят только на высоких, неприступных скалах, повыше от воды. Потому что временами океан словно слезает с катушек, и его волны поднимаются на несколько метров. Тогда деревянный мостик становится мокрым от брызг, солнце прячется в тучах, мутные волны неистовствуют, и ни о какой рыбе можно и не мечтать. Если рыбаки не успевали вовремя вытянуть лодки на берег, взбесившийся прибой уносил их и разбивал о скалы, словно надоевшую игрушку.

Не дай бог оказаться в воде в это время!

Таис, Федор, Григорий и Надя прожили на Нелегальном всего четыре недели, но уже повидали два яростных шторма, после которых на противоположный берег бухты, где нет скал, только светлый песок и кусты, вода выносила мусор, водоросли и мертвых рыб. А во время шторма неистовые волны просто перескакивали через лежащий по ту сторону бухты длинный мыс, полностью накрывая его.

И только высокие скалы спасали крошечную деревеньку Чон от затопления.

Пальцы ног совсем заоченели, но Таис успела привыкнуть к таким неудобствам. Обувь в здешних местах была дефицитом, жители предпочитали ходить босиком и лишь в дождливую пору обувались в некое подобие башмаков, вырезанное из дерева. Таис пробовала натянуть на себя такие – их принесла померить девочка Амалика, – но не смогла сделать и десятка шагов. Грубые башмаки нещадно терли у щиколоток, хлопали по пяткам и сидели на ногах неудобными тяжелыми гирьками. Иными словами – слезы, а не башмаки.

Поэтому кроссовки, в которых Таис улетела со станции, она берегла как зеницу ока. Надевала только в прохладные, дождливые дни – и такие, оказывается, случались на жарком острове нелегалов. А в остальное время привыкала ходить босиком, как и прочие жители деревни.

Вот и сейчас, в ожидании Федора, она переминалась с ноги на ногу, морщилась, шепотом ругалась, но терпела. А что делать?

Можно было бы, конечно, и не ждать. Уйти в теплый дом, устроиться в плетеном кресле у печки, прикрыть колени шерстяным клетчатым пледом, который ей выдали еще тогда, когда они плыли на субмарине, не умеющей погружаться на глубину.

Но тогда тревога и беспокойство съедят совсем. Просто слопают изнутри, и ни о каком покое не будет и речи. На самом деле Таис очень переживала, даже больше, чем когда-то на станции. Может, потому, что теперь слишком хорошо сознавала, как ей дорог Федор?

Океан был опасен, настолько опасен, что никто в деревне – ни один старый рыбак, ни одна ведунья – не мог предсказать его настроение. Будет ласковое солнце или обрушится жаркий душный ветер, поднимающий волны и бросающий их на неприступные скалы? Наплывут ночью тучи, нависающие над самой водой и заставляющие океан подниматься и громко и грозно дышать холодной влагой, или до утра будет сиять луна, оставляющая на спокойной воде серебристые дорожки?

Никто не мог предсказывать погоду, потому что погода на Нелегальном была непредсказуемой.

И поэтому Таис ближе к утру выходила на огибающий скалу деревянный мостик и стояла, ожидая, когда же приплывут лодки. С рассветом к ней присоединялась и Надя, которая

точно так же переживала за Григория. Йомен все-таки умудрился их поженить и теперь требовал вернуть долг пять жемчужин. Половину Григорий уже отдал. Оказалось, около острова этого добра полным-полно и любой вихрастый быстроногий мальчишка в деревне умел добывать заветные раковины с беленькими сокровищами.

И Григорий с Федором в погожие дни уже не раз ныряли за жемчугом и хоть не всегда возвращались с добычей, но все-таки кое-что находили. Григорий с Надей жили на верхнем этаже домика, том самом, что выходил на деревенскую улицу. Там тоже была маленькая печка, которую нужно было топить хворостом. А собирать его приходилось в диких лесных зарослях, покрывавших склоны высоких холмов.

Добыча дров, как и ловля рыбы, считалась мужским занятием, ибо лесные заросли таили множество опасностей. Мерзкие ядовитые насекомые, странные растения, обвивавшиеся вокруг ног и втыкавшие в тело ядовитые шипы, опасные звери, от которых даже на деревьях не было спасения.

Хуже всего оказались здешние обезьяны – белые крикливые твари с крепкими когтями и длинными хвостами. От них никому не было покоя. Нападали эти животные целой стаей и, как рассказывала Амалика, не брезговали человеческим мясом.

– Но в основном они любят нашу еду и наши вещи. Все, что найдут у человека, – все отберут, – говорила девочка.

Вот поэтому за дровами Григорий и Федор ходили, вооружившись лазерными мечами. Их оружие жителям деревни казалось настоящим сокровищем, да таковым оно и было. Ведь деревенские мужчины воевали палками с железными наконечниками, которые назывались копьями. У некоторых были луки и стрелы.

Четыре недели на небольшом скалистом острове полностью поменяли мировоззрение Таис. И если раньше она презирала роботов и чуралась их помощи, то теперь с удовольствием завела бы себе лона-12. Да и против пятнадцатого тоже бы не возражала.

Ибо жизнь у нелегалов оказалась сплошной тяжелой работой, эффективность которой была настолько низкой, что приходилось трудиться, трудиться и трудиться каждый день. Огород требовал поливки, и это значило, что по полдня они с Надей таскали глиняные кувшины с водой из ручья и выливали ее на длинные грядки, где поднимались ростки картофеля, моркови и бобов. А еще дальше, за огородом, ближе к темной стене леса, лежало заросшее травой поле, на котором нужно было посеять пшеницу и кукурузу.

Только на то, чтобы вспахать поле, все еще не хватало времени. Григорий и Федор почти каждую ночь, если не было дождя и бури, уходили в океан за рыбой. Это давало еду и возможность обменять остатки улова на ракушечные деньги. А деньги нужны были, чтобы покупать все, начиная от посуды и заканчивая одеждой. Семья, жившая в домике прежде, была слишком бедной и маленькой, и Надя сразу же забраквала оставшиеся после них щербатые горшки.

– Никогда еще не доводилось мне готовить в такой странной посуде! – возмутилась она. – Нам просто необходим вместительный горшок для супа и еще один для овощей. Да и сковороду тоже хорошо бы приобрести. На чем жарят лепешки местные жители?

Оказалось, что островитяне пекут лепешки прямо на улице, в специальной печке. У похожей на перевернутую пузатую чашу печи были толстые стенки и отверстие сверху. После того как прогорали дрова и печь как следует нагревалась, на очищенные от золы стены помещали тесто, которое запекалось очень быстро. В этой же печке запекали рыбу и овощи. Выходило вкусно. То, что печь находилась во дворе, и в самом деле было удобно: готовить еду в доме в жаркий полдень было бы нереально.

Днем стояла жара, но каждую ночь налетал холодный ветер, он нещадно дул во все щели деревянного дома. Первые две ночи они просто дрожали от холода, никакие одеяла не помогали. Потом Надя решительно заявила, что спать не ляжет, пока не законопатит все

стены на обоих этажах. Для этого она умудрилась выпросить у деревенских сухой травы, которой кормили скотину, и накопила глины на берегу речки, которая текла неподалеку от деревни и падала шумным водопадом с высоченной скалы. Сделав густую смесь из глины и травы, Надя позвала на помощь Таис, и они заделали все щели в деревянных стенах домика.

Только после этой утомительной и долгой работы, занявшей весь день до самой звездной ночи, тепло от печи стало держаться в доме, и они перестали дрожать от холода по ночам. Для Федора это оказалось очень кстати, потому что из-за раны его несколько дней лихорадило.

Амалика, которая с самого начала взялась им помогать, называла это горячкой и говорила, что в этом случае надо обратиться к жрецам, дать им ракушечных монет или, на худой конец, рыбы, чтобы они вознесли молитвы предкам.

– Тогда дух горячки оставит вашего мужчину, – совершенно серьезно сказала она.

Светло-карие глаза ее при этом сияли такой искренней заботой, что Таис, у которой на языке уже вертелась грубая колкость, промолчала.

Вот в этом и была проблема жителей острова. Оказалось, что тут все верят в духов, проклятья и все признают непреложной властью жрецов. По сути, жрецы решали все. И за все их решения следовало платить.

А главными богами для всех людей острова были, как ни странно, белые злые звери, в которых превратились их предки. Фрик – вот кто стал богом для нелегалов!

2

Надя бесшумно спустилась по деревянным ступенькам и встала рядом. На женщине была такая же шерстяная клетчатая накидка, только у нее к горловине был пришит широкий капюшон без кулиски, постоянно спадающий и потому совершенно никчемный.

– Ты видишь их? – тихо спросила Надя.

Она всегда так спрашивала, коротко и просто. Перед ней точно так же, как и перед Таис, простирался огромный океан, и она сама могла все увидеть, но своеобразный утренний пароль не менялся. Надя спрашивала, видит ли Таис лодки. Таис отвечала всегда одинаково:

– С ними все будет хорошо.

Иногда Таис казалось, что, если однажды эта традиция будет нарушена и они с Надей не обменяются привычными словами, с любимыми мужчинами случится несчастье. Глупости, конечно, но они невольно перенимали суеверность здешних жителей – вместе с привычкой жечь по вечерам горькие травы, чтобы отпугнуть назойливых и опасных насекомых, а заодно и души мертвых, бродивших по ночам вокруг деревни. Так, во всяком случае, утверждала Амалика.

– Здесь полно покойников, – тихим, тоненьким голосом рассказывала она, помогая Таис замешивать тесто на лепешки или перебирая принесенные ею же фасоль и горох. – До войны сюда привозили заразившихся болезнью, но не все смогли... не все смогли найти свою внутреннюю сущность. Не все переродились, некоторые умерли. И вот те, кто умер, теперь бродят ночами по острову и тоскуют по ненайденной внутренней сущности. И только горькие горные травы могут унять их тоску. А еще те песни, что каждую ночь поет им сторож.

Ночные песни сторожа – это была еще одна особенность здешней жизни. У входа в деревню на самом краю улицы стояла деревянная вышка с травяной крышей. На верхней площадке всегда находился сторож, наблюдающий за безопасностью деревни. Мужчины выполняли эту повинность по очереди, каждое полнолуние бросая жребий. Йомен сказал, что в следующее полнолуние в жеребьевке примут участие и Федор с Григорием.

– Иногда к нам приходят стаи обезьян. Не часто, но случается. Их нашествие могут сдерживать только семуки. Священные звери питаются обезьянами, – пояснил бородастый

хозяин деревни. – Вот потому следует всегда взывать к душам предков, чтобы они защитили нас. Как только молитв становится недостаточно, семуки куда-то пропадают с острова, и обезьяны нагледуют. Когда их слишком много – перед ними не устоит ни одна деревня.

Днем сторож был начеку, чтобы не прозевать нашествие лесных гостей, а ночью пел особенные песни для умерших и не нашедших свою сущность. Тягучие завывания почти не долетали до дома Таис – их жилище находилось на самой окраине. Но временами, когда она выбегала по нужде, тоскливые горестные песни нагоняли на нее жуть.

Что может быть страшнее темной деревенской ночи, когда все ставни закрыты и не горит ни один фонарь, ни один костерок, и только медленное пение разрезает темноту?

В тяжелых звуках чудились и печаль, и одиночество, и безысходность. «Ничего не изменить на Нелегальном острове!» – вот что слышалось Таис в ночных песнях.

Зато восход был радостным и красивым. А уж когда на горизонте появлялись крошечные пятнышки лодок, радость захлестывала. За долгую ночь Таис успевала соскучиться по Федору, и, всматриваясь в беспокойные волны, она думала о том, как обнимет любимого, как услышит его голос и почувствует его уверенность в том, что не все еще потеряно. Что и из этой ситуации они найдут выход.

Пока Федор болел – а он пролежал с высокой температурой три дня, – Таис чего только не передумала. Что с ней станет, если не будет Федора? Как она выживет? Может, станет фриком, которому все будут поклоняться?

Или останется в деревне, и ей подберут мужа – лохматого бородатого мужчину с грубыми чертами лица и совершенно безграмотного? Ведь ни один человек в деревне не умел читать – у нелегалов не имелось школ, да они им и не нужны были.

Будущее при таком раскладе представлялось жутким, мерзким.

Одиноких женщин в деревне не было. Наоборот, женщины в здешних местах были нарасхват. То ли потому, что мальчиков тут рождалось всегда больше девочек, то ли еще почему-то. Как бы там ни было, едва Таис и Надя появились на единственной деревенской улице, как на них стало заглядываться множество мужчин. Некоторые, не скрываясь, подходили и рассматривали их, словно выставленных на продажу красивых роботов. Хвалили у обоих глаза и волосы, трогали плечи, даже щипали щеки.

– Это хорошие жены, – говорили они и улыбались, показывая неровные зубы.

Иными словами, вели себя как самые настоящие дикари.

Когда это случилось в первый раз, Йомен, глядя Григорию прямо в глаза, сказал, что надо определиться.

– Или ты владеешь своей женщиной, или ее уведут у тебя. Семейные узы священны, так говорят жрецы. Чтобы не было у нас тут войн и распрей. Женился – жена твоя. Но если женщина свободна – на нее может претендовать каждый. Женщина должна давать потомство, а не прохлаждаться просто так. Про нее вон, – Йомен ткнул толстым пальцем в Таис, – можно еще сказать, что она слишком маленькая и ее дожидается Федор. Но про твою женщину такого не скажешь. Поэтому вы должны пожениться. Ради вашей же безопасности. Пять жемчужин жрецу я за вас заплачу. Вы мне отдадите шесть.

Григорий не стал возражать. Вечером за ужином он объяснил, что лучше принять здешние правила, чем нарываться на неприятности.

– Пусть будет, как они хотят. На самом деле это ни к чему нас не обязывает. Судя по всему, здешнее общество находится на очень низкой стадии развития. Какой-то семейно-общинный уклад, где каждый играет определенную роль. Им так проще выжить. Придется принимать их правила.

Вот так и вышло, что Григорий взял Надю в жены.

Таис с Федором не торопились. Не хотелось связываться с жрецами и становиться должниками Йомена. Да и не такой представляла Таис свою свадьбу. Хотя, если честно, она ее и не представляла никогда.

3

– Они скоро будут здесь, – сказала Таис и улыбнулась.

Лодки приближались, увеличивались на глазах. Когда красный солнечный бок наконец выполз из воды, ночные рыбаки благополучно пристали к длинным деревянным мосткам на длинной косе с другой стороны короткой неглубокой бухты. Совсем скоро Федор вернется со своей долей и с несколькими полированными круглыми ракушками. Вместе с ним придет и Григорий. Можно идти домой топить печь.

Надя направилась к себе наверх, а Таис по влажным доскам пробежала к нависшему над океаном нижнему этажу домика. Маленькая дверка, сколоченная из грубых досок, коротко скрипнула, впуская хозяйку. Знакомое тепло окутало окоченевшие плечи.

Сбросив накидку, Таис присела перед овальным печным зевом и принялась выгребать золу. Полетела противная сажа, Таис чихнула, пожелала саже сдохнуть, сгребла все в маленькое железное ведерко и проворно вынесла наверх, к огороду. Потом вернулась с охапкой дров, снова присела перед печью и набила ее ровно сложенными полешками. Проложила между ними сухую солому, затем достала лазерный меч.

Местные жители добывали огонь дедовскими методами. Или прадедовскими, то есть совсем уж дикими. Пристраивали тонкую деревянную палочку к деревяшке и быстро вращали ее между ладонями. Но это в том случае, если огонь гас совсем.

– Это если вы потеряли огонь, тогда высекайте и высверливайте его, – поясняла Амалика. – А лучше всего всегда сохранять в печи тлеющие угли. Тогда не придется долго добывать огонь.

– И что, всегда так? – Таис тогда просто не поняла ее. – Всегда надо долго возиться с палочками, чтобы добыть огонь?

– У жрецов есть оружие, они умеют высекать искру с помощью оружия, – ответила девочка. – А мы обходимся или зажигательными камнями, или палочками. Но лучше всего просто сохранять огонь, чтобы он не угас.

Вот тогда Таис и порадовалась, что у них с Федором есть лазерные мечи. С их помощью солома воспламенялась за секунду. Все просто: поднес светящийся клинок – и наслаждайся теплом.

Как только в маленькой печке заплескало пламя, Таис кинулась за водой, прихватив высокий глиняный кувшин с удобной ручкой. На завтрак она планировала сварить кашу. Крупу ей принесла все та же Амалика. Дочь вождя деревни всегда выполняла распоряжения отца, а тот велел ей делиться продуктами. Не то чтобы он был щедрым и заботливым, но Пушистик Таис внушал ему огромное уважение и даже, пожалуй, страх. Потому он старался всячески задобрить его владелицу.

Сам Пушистик в это утро еще не успел вернуться с охоты, на которую отправлялся каждую ночь. Эта зверюга научилась сама добывать себе пропитание, что было как нельзя кстати. Продуктов, которые приносила Амалика, едва хватало на четверых. Скучный рацион лишь слегка скрашивала рыба.

Ни молока, ни мяса – ничего такого. Ни сахара, ни кофе, ни сладостей. Крупа на кашу, фасоль и горох на суп. Картошка, мука и оливковое масло – вот и вся здешняя пища. Еще бананы и орехи для разнообразия. О таких лакомствах, как шоколад и чипсы, здешние жители даже не слышали.

Ручей, в котором Таис набирала воду, широкой струей падал со скалы в море недалеко от их домика. Таких маленьких водопадов на острове было множество. Вода быстро наполняла кувшин, Таис ежилась от холода и поглядывала на небольшие деревянные хижины, облепившие скалу и тянувшиеся неровным рядом вдоль всей береговой линии. Высоченная отвесная скала стала для них надежным пристанищем, защитницей от ветров и наводнений.

И тут до слуха Таис долетело ночное пение сторожа. Мотив тянулся на одной ноте, и улавливалось лишь одно слово на всеобщем языке. «Уходите, уходите, уходите...» – пел мужчина на вышке.

Заунывный мотив заставил Таис вздрогнуть. Наполненный водой кувшин чуть не полетел вниз, она еле успела подхватить его.

Чего это сторож распелся утром? Такие песни полагалось петь только ночью, для ночных духов, в которых тут все верят. Таис дернула плечом, откинула тыльной стороной ладони отросшую челку и быстрым шагом припустила к дому.

Едва добралась до двери, как на лесенке появился Федор. Уставший, похудевший и загорелый. Он хорошо загорал, его кожа не краснела и не покрывалась волдырями, не то что у Таис, и вскоре после прибытия на остров он стал похож на пирата. Серые глаза блестели, губы улыбались.

На самом деле Федор был вполне доволен жизнью на острове.

Вот и сейчас он слегка качнул ведром, словно хотел похвастаться уловом, улыбнулся во весь рот и сказал:

– Привет, мартышка. Как спалось?

– Ты чего хромаешь? – тут же спросила Таис.

Он действительно слегка прихрамывал, и на большом пальце правой ноги поблескивала кровь. Федор тоже предпочитал ходить босиком.

– Споткнулся о камень. Ерунда. Печь топится? Есть хочу ужасно.

– Давно. Сейчас поставлю воды на компот. Каша уже стоит на углях, должна довариться.

– Вот и здорово! – Федор перевел взгляд на огромный, подвижный и радостно блестящий в лучах утреннего солнца океан и добавил: – Хорошее утро. Хочу поесть и поспать. А после будем думать, как нам засеять поле.

4

Федору нравилась здешняя жизнь.

Почему?

Таис не раз спрашивала его об этом, когда долгими холодными вечерами они грелись у печи.

– Потому что тут все настоящее, Таис. И тут свобода.

– Ничего себе свобода, когда все решают жрецы.

– Не все. Нас с тобой они не трогают. А деревенским даже полезно, когда кто-то подсказывает, что надо делать. Иначе тут были бы хаос и анархия.

– Я заметила, что людям всегда нужен кто-то, кто бы говорил, что надо делать, – усмехнулась Таис.

В то утро уставший Федор не был склонен к долгим разговорам. Он помог почистить рыбу, и они запекли ее на углях, завернув в мясистые съедобные листья. Привычная для здешних мест еда, но вкусная и сытная. Только рыба и спасала от голода.

Они уже почти покончили с завтраком, когда дверь распахнулась и появилась Амалика. Она была лохматой, вместо двух неизменных аккуратных кос – растрепанные волосы. Глаза дико блестели, через правую щеку пролегла длинная царапина.

– Обезьяны! – крикнула она. – Бегите в лес! На деревню напали обезьяны!

Глава 2

Эмма. Ремонт катеров и игра в шарики

1

Небольшая колбочка с Живым металлом находилась внутри шарообразного катера, в глубине нижних технических отсеков. Ее скрывала плоская тонкая крышка люка, но достаточно было слегка надавить на вогнутый кружок размером с подушечку пальца, как кабина катера открывалась и становился виден искристый, голубоватый и всегда подвижный Живой металл.

Эмма все никак не могла привыкнуть к этой загадочной субстанции и каждый раз, когда Ник и Жак брали ее в ангар, чтобы подготовить к полету боевые машины, удивленно застывала, любуясь инопланетной плазмой.

Жидкость менялась каждую секунду: то становилась насыщенно-синей, с крошечными белыми искрами в самой глубине, то вдруг наполнялась ярким голубым светом и выбрасывала быстрые вспышки.

Колба, в которой находилась плазма, была не больше ладошки, но именно она приводила в движение катер. Плазма растекалась по тонюсеньким прозрачным ответвлениям, похожим на кровеносные сосуды, и являлась не только энергетической составляющей, но и частично заменяла искусственный интеллект.

Точно такая же плазма, оказывается, была в Энергомодуле станции, и именно из нее рождались крошечные роботы-каракатицы.

«Надо бросить в плазму зерна чипов, и тогда Живой металл структурируется и выполняет заложенные в чипах программы, – так когда-то объяснил Эмме деловитый Жак. – У нас на планете есть большие роботы-машины, полностью созданные из Живого металла».

На планете Земля живительной плазмы не было, потому синтетики – и не только они – использовали этот уникальный элемент очень экономно.

– Они успели наворовать себе Живого металла, но больше они на нашу планету не сунутся, – мрачно сказал Ник. – И придется им искать себе другой источник энергии. Вот пусть на Земле поищут.

При этих словах Ник недобро усмехнулся и скептически поднял брови.

На Земле были свои полезные ископаемые, и нефть в том числе. Только живой ее никак нельзя было назвать, даже с натяжкой. Долгие годы она служила главным источником топлива и приводила в движение практически все виды машин на планете.

Эмма честно пыталась объяснить свойства нефти, но братья только качали головами.

– Что, просто горела – и все? – недоверчиво хмурился Ник. – А какой от этого толк? Выработка тепла, приводящего в движение механизмы? И все? Поэтому синтетики так быстро захватили планету. Вы очень сильно отстае от большинства развитых цивилизаций, которые я знаю.

– А сколько ты знаешь цивилизаций? – тут же спросила Эмма.

– Много. – И Ник добродушно улыбнулся.

Братья действительно много знали. Если переводить на человеческое летоисчисление (а сделать это можно было с огромной натяжкой, ибо время на их планете, разумеется, текло по-другому), то Нику и Жаку сравнялось по семнадцать лет. Они были близнецами. «Мы появились из живота нашей матери одновременно», – неуклюже пояснил Ник.

Судя по всему, рождение двойняшек для далекой планеты Эльси было обычным делом.

Они были одновременно и похожи, и непохожи. За то время, что Эмма провела на крейсере «Дракон», она научилась различать братьев. Ник был быстрым, говорливым и темпераментным. Он первым бросался в бой, если это требовалось, и практически никогда не сомневался в принятых решениях.

Жак был более рассудительным и сдержанным. Он гораздо больше всего знал из истории цивилизаций, лучше разговаривал на всеобщем языке, и капитан крейсера, их старший брат Люк, чаще всего именно Жака назначал главным, когда приходилось совершать полеты на катерах.

Ник никогда не возражал, но не всегда слушался брата-близнеца.

Ник и Жак были сплоченной командой с уже сложившимися правилами и традициями. У каждого был свой катер-шар, свои позывные и свои задания. К этой дружной маленькой команде и довелось присоединиться Эмме. На «Драконе» жила только семья Люка: его жена, дети, две сестры и два брата. И Настоящие деревья – несколько побегов, работающих в тесном синтезе с Живым металлом. Вот и все обитатели довольно большого и хорошо устроенного космического лайнера.

А «Дракон» действительно был продуман до мельчайших деталей: до широкого бассейна и аллеи с растущими в ящиках деревьями и кустами.

Обычно делились на две команды – одна работала в космосе, другая управляла крейсером. Ник и Жак были как раз теми, кто чаще всего вылетал на боевые задания. Иногда в таких рейдах участвовал и Люк.

Мэй-Си и Нгака оставались на крейсере. Была еще Ейка, младшая сестренка Люка, Ника и Жака, девочка лет двенадцати. Она обычно присматривала за детьми.

Вот такой состав имел боевой крейсер «Дракон». Появление Эммы оказалось очень кстати. Ее охотно оставили, и близнецы довольно успешно посвятили ее в тонкости управления катерами. Это оказалось совсем несложно, потому что главную роль во всем этом играли Настоящие деревья.

– Если не знаешь, как поступить, не переживай. Они всегда знают, – деловито пояснил Жак, показывая Эмме, как управлять катером. – На самом деле это они главные, это их миротворческие силы. Мы просто помогаем им. Например, этот крейсер создан на их планете и катера тоже. И технологии, позволяющие избежать создания искусственного интел-

лекта. Лучший способ избавиться от синтетиков – думать самим. У деревьев это получается отлично. Их цивилизация стоит на более высокой ступени развития, чем наша. И уж тем более не сравнима с вашей.

Вот и сейчас, подготавливая свой маленький, идеально кругленький катер к вылету, Эмма не торопилась. Живой росток находился рядом и все время подсказывал, что надо делать. Деревья владели телепатией... Или как правильно назвать общение без слов? Эмма думала, и ее мысли тут же улавливались. Ответ тоже приходил в виде мыслей.

Иногда Эмма пробовала взглянуть на себя со стороны и удивлялась. Вот возится сейчас она в сложной и непонятной начинке крутой летательной машины, ловко управляет с мелкими деталями, очищая и смазывая их. И выглядит это так, будто она сама – суперкрутой механик, отлично разбирающийся в устройствах инопланетных катеров.

А ведь пару месяцев назад она и понятия не имела о таких сложных и странных технологиях.

Еще совсем недавно приходилось бороться за свою жизнь, и было не ясно, выживут ли дети на станции.

И все получилось!

Все получилось у детей со станции Моаг!

Спаслись почти все. Большинство. Очень большое большинство. И София, и Макс, и малышня, родившаяся совсем недавно. Спаслись почти все, кроме Кольки-Колючего...

Сейчас они почти добрались до орбиты Марса, осталось немного. «Дракон» сопровождал их как охранный крейсер.

Синтетики нападали часто, их дроны-беспилотники то и дело атаковали дискообразный корпус корабля с детьми. Приходилось отбиваться. Война продолжалась, но теперь не Эмма была главнокомандующим и не она принимала решения.

Тяжкое бремя ответственности наконец свалилось с ее плеч, и она вновь смогла стать просто девочкой. Обычной пятнадцатилетней девочкой, которая неплохо разбирается в программах и технике, ловко владеет лучевым мечом и охотно принимает участие в боевых вылазках.

У нее появился собственный катер, такой миленький, кругленький и уютный. Росток Настоящего дерева, который помогал управлять боевой машиной, носил сложное и непронизносимое имя. Эмма называла его Щелчком, потому что звуки его языка напоминали щелчки. Ник и Жак умели их воспроизводить, но у Эммы все никак не получалось.

Щелчок охотно откликался на это имя, но оставался загадочным, странным и непонятным. Эмма никогда не знала, доволен ли он, чего хочет, о чем думает. Он просто посылал короткие и четкие мысленные указания и никогда не проявлял никак своего настроения, не высказывал ни пожеланий, ни сожалений. Не злился, если Эмма делала что-то не так.

А она частенько ошибалась. Вот и сейчас, прочищая крошечное отверстие, куда следовало наливать масло, она уронила в сложное переплетение внутренностей катера узенькую тоненькую щеточку. Щелчок проворно выпустил зеленый усик, тот нырнул вглубь, проскользнул через множество плат и других деталей, потом вернулся, сжимая утерянный инструмент. При этом ни возмущения, ни упреков, как будто ничего странного не произошло.

Щелчок всегда оставался спокойным, деловитым, неторопливым и уверенным.

Эмма вздохнула, налила в специальный отсек техническое масло – прозрачное и густое. Потом закрыла крышку и торопливо вытерла руки старой тряпкой. На «Драконе», несмотря на суперсложные технологии, ничего не знали о влажных салфетках и специальных аэрозолях для дезинфекции. К микробам тут относились довольно просто: их не замечали.

Спрыгнув на пол ангара, Эмма задрала голову, глянула на высокий потолок, обитый серыми, гладкими до блеска, слегка светящимися плитами. Потом убрала за уши выбившиеся из хвоста короткие пряди и зашагала к соседнему круглому катеру, около которого возился Ник.

Его машина участвовала в недавнем бою, когда пришлось отражать очередную атаку беспилотников. Катер слегка зацепило выстрелами по касательной. Ничего серьезного – машины быстро восстанавливались после таких ударов. Восстанавливались сами, без механиков, только Настоящие деревья немного наблюдали и курировали эти процессы.

– Живой металл чинит себя сам, – так пояснил Ник.

Сейчас смуглый парень наблюдал, как росток с его катера пытался наладить механизм двери. Дверной люк, поврежденный ударом, стал слегка заедать. Он опускался до половины, выдавая лишь несколько плоских ступенек, на какое-то время зависал в середине проема, блестел и странно гудел, потом со скрипом и очень медленно опускался до конца, но ступеньки так и не появлялись.

– Ему нужно время, я понимаю, – лениво соглашался Ник, кивая головой. Эмма догадалась, что он беседует со своим ростком. – Но времени как раз нет. Машина должна быть готова. Потому постарайся, сделай все в лучшем виде. Дверь не должна так зависать. Давай посмотрим, что случилось с наружными замками, может, дело в них. Удар-то пришелся извне, значит, и повреждение вполне может быть внешним.

Эмме нравилось наблюдать за работой Ника. Она уселась на теплое металлическое напольное покрытие, вытянула ноги и уперлась в пол ладонями, чтобы сохранить равновесие.

– Да, вот здесь, – проговорил Ник и сам поднялся на несколько ступенек, чтобы забраться в открытую кабину катера.

Тонкие панельки, скрывающие сложный механизм, раздвинулись, и Эмма смогла рассмотреть множество странных и непонятных деталей. Внутреннее устройство люка ей еще не доводилось видеть.

– А вот и проблема! – довольно воскликнул Ник. – А ты говоришь: Живой металл сам, Живой металл сам... Сломалась вот эта штука, она попала в коробку движения. Вот потому и виснет...

Дальше Ник заговорил на языке своей планеты. Для Эммы этот язык все еще оставался загадкой, хотя основные фразы она смогла выучить. Но когда рядом находился росток Настоящего дерева, перевод всегда звучал в голове, даже напрягаться не приходилось. Очень удобно, что и говорить.

Поэтому она поняла все, что говорливый Ник высказывал своему ростку.

Катер был приведен в порядок, и, проверив люк несколько раз, Ник спрыгнул на пол.

– Наконец можно и отдохнуть. Сегодняшняя вылазка была долгой и утомительной. Синтетики все еще не смирились с мыслью, что потеряли одну из своих станций, – усмехнулся он.

– Оставили бы нас в покое. Мы убрались с Земли, нашли себе, можно сказать, другое место, – недовольно проворчала Эмма.

– Программы, – щелкнул пальцами Ник, и деревянные бусины на его браслетах радостно закачались. – У них всегда срабатывают программы. Раз мы вступили в войну, значит, согласно программам, нас надо уничтожить. Потому что теперь мы представляем угрозу. Теперь кто кого, сама понимаешь.

Эмма лишь кивнула и намотала на палец длинную прядь рыжих волос.

2

Вылазка случилась в самом начале дня, когда Эмма еще спала. Ее не стали будить, братья управились сами. Потому Эмма лишь присоединилась к техническому осмотру катеров. Теперь, когда все оказалось в порядке, Ник мотнул головой и сказал, что пришло время отдыха.

– Играем в шарики? Да? – Он посмотрел на Эмму и, для того чтобы точно заручиться ее согласием, взял девушку за руку.

У него была такая странная привычка: брать ладонь и слегка сжимать ее. Каждый раз – когда желал обратить на что-то внимание или когда хотел настоять на своем, – каждый раз он хватал за руку, слегка тряс или сжимал пальцы.

– Ты разве не хочешь спать? – спросила Эмма.

Братья поднялись рано. По сути, их отдых в этот раз оказался очень коротким, несколько часов – и все.

Жак демонстративно зевнул, закивал головой в знак согласия и сообщил, что пойдет отдохнуть. Как-нибудь уж без него поиграют.

– Мы еще успеем поспать. У нас еще время много. Время – целый день. Правильно?

Ник смешно и медленно выговаривал слова и хитро шурился. Что с ним поделаться? Сама Эмма отлично выспалась и потому была вовсе не против веселой и шумной игры в мячики.

Для этого занятия на нижнем уровне «Дракона» недалеко от бассейна был приспособлен большой зал. Раскрашенное в разноцветные квадраты большое поле, развешенные на стенах на разном уровне корзинки, небольшие приспособления, в которые закладывались яркие маленькие мячики. Квадратные ракетки, с помощью которых мячи отбивались.

Суть игры была в том, чтобы закидывать мячики в корзины, а те, что не попали, – отбивать ракетками. Кто больше закинет и отобьет – тот и победил. Вроде бы все просто, но за попадания в корзины разного цвета насчитывались разные баллы. Чем выше и меньше корзина – тем больше баллов.

Ник управлялся с шариками превосходно. Все его броски заканчивались точным попаданием, и отбивать почти не приходилось. Эмма каждый раз проигрывала, но не теряла надежду, что однажды у нее получится выйти хотя бы на ничью.

В этот раз в зале оказались дети Люка – мальчишки-близняшки Рэм и Тин. Оба черноглазые, смуглые, но не такие коричневые, как Ник и Жак. Их кожа была гораздо светлее, видимо, из-за светловолосой Мэй-Си. Кудрявые темные волосы у них доходили почти до плеч, глаза блестели, точно темные маслины. Мальчишки швыряли мячиками в стены, пихали друг друга и что-то выкрикивали на своем языке.

На всеобщем они не умели говорить, только хихикали, когда Эмма к ним обращалась. А вообще они были добрыми мальчишками и, главное, всегда слушались старших: Люка, Ника, Жака. В этой семье иерархия соблюдалась неукоснительно. Младшие всегда подчинялись старшим. Ник и Жак никогда не возражали Люку, а малышня беспрекословно слушалась двенадцатилетнюю Ейку.

Поэтому, когда заскочивший в зал Ник велел мальчишкам вести себя тихо, они переглянулись, притихли, и один из них что-то спросил у дяди. Ник тут же кивнул и пояснил:

– Они хотят сыграть с нами вместе. Давай, а? Дадим им небольшой... как его... чтобы у них были баллы дополнительные... Как это у вас называется?

– Дадим им фору, перевес, – сказала Эмма.

– Да. Перевес. – Ник задумался, словно пытаясь привыкнуть к новому слову, потом кивнул. – Да, именно это им и дадим. Хотя Рэм еще нас с тобой обыграет. Я бы ему ничего не давал, но он тогда будет орать. Пусть играют. По десять баллов каждому пусть будет.

– Пусть будет, – согласилась Эмма и, взяв небольшую пластиковую коробку, начала набирать шарики.

Резиновые цветные мячи приятно согревали руку. Чуть теплые, они перекатывались в коробке, стукались друг о друга и обещали веселую игру.

Рэм и Тин тут же довольно запрыгали, кинулись запасаться цветными снарядами, и игра закипела.

Эмма любила это нехитрое занятие. Во-первых, в жарком азарте она забывала о пережитых горестях и бедах. Из головы выскакивали мысли о собственных ошибках, об утратах. Неотвязные мысли о Колючем, об оставшихся на крейсере Соне и Максе. О малышах, к которым уже успела привыкнуть.

И во-вторых, удачи приносили радость. С каждой игрой удавалось закинуть все больше шариков, и это давало чувство контроля. Хотя что-то в жизни находилось под контролем, что-то удавалось. Что-то было предсказуемым.

Эмма действительно сразу могла сказать – попадет она в корзинку или нет. Разместив ряды шариков в метательном устройстве, она торопливо нажимала на кнопки, поворачивала приспособление, и цветные упругие снаряды гулко стучали о стену, а каждое попадание отмечалось яркой вспышкой диода, размещенного на корзине.

Раз! Раз! Раз!

Восемь попаданий из десяти выстрелов. Теперь очередь Ника.

Тот широко улыбнулся.

– Покажу вам класс, смотрите! – проговорил он.

Рэм и Тин что-то ему крикнули и тут же скорчили смешные рожицы. Видимо, это были какие-то обзывательства, которых Эмма не понимала, потому что Ник ответил сердито.

Мальчишки высунули языки.

– Хулиганы, – тут же пояснил Ник. – Они пожелали мне промахнуться. Но я не промахнусь!

Став серьезным, Ник торопливо нажал на кнопку пуска несколько раз подряд. Девять попаданий из десяти. Отличный результат.

Настала очередь близнецов. Они играли как одна команда, и баллы им насчитывались на двоих. Работать вдвоем они умели и понимали друг друга без слов, поэтому легко обошли Эмму, умело тыкая пальчиками в кнопку пуска: девять попаданий из десяти!

Ладно, это только первый раунд, еще получится отыгаться!

3

Играли до тех пор, пока не появилась в дверях Мэй-Си с тарелками мясных рулетиков и засахаренных фруктов и с кувшином кисломолочного напитка, который тут назывался непривычным словом «кинель».

– Давайте есть, игроки, – весело сказала она и устроилась на полу, поставив рядом с собой посуду.

Вообще, как уже поняла Эмма, инопланетные ребята обожали сидеть на полу. У себя в каютах они частенько так и ели.

Только взяв мясной рулетик, Эмма поняла, как проголодалась. В жизни на «Драконе» был один приятный момент – не надо было думать о еде. Эмму еще ни разу не попросили дежурить на кухне, к ней относились как к почетной и желанной гостье, помогали и оберегали. И если была возможность послать на задание только Ника и Жака, Люк так и делал.

И, устроившись на полу, Эмма в очередной раз порадовалась тому, что теперь она в безопасности и не надо думать о том, что они будут есть. О еде тут заботились взрослые, настоящие взрослые, не роботы.

За все происходящее на крейсере «Дракон» отвечал Люк. Он планировал боевые вылазки, говорил, что надо делать в течение дня. Ему помогали Настоящие деревья. И Эмма даже не собиралась вникать в их планы.

Она настолько устала от недавней борьбы, от страшного сознания собственной незащищенности и покинутости, что теперь просто отдыхала. Ей нравилось играть, нравилось ремонтировать катера, нравилось спать в своей каюте. На крейсере «Дракон» ей нравилось все.

Мэй-Си как будто понимала ее состояние, потому что не задавала лишних вопросов и всячески старалась оберегать от лишней работы.

После еды отправились в центр управления «Дракона». Просторное помещение находилось на носу крейсера, и к нему вели все коридоры. Выполненный из сверхпрочного прозрачного материала, нос корабля заканчивался огромным смотровым окном.

Перед окном размещался пульт управления, представляющий собой идеально гладкую темную поверхность, отвечающую на прикосновения Настоящих деревьев. Пульт был сделан из чистого Живого металла, и время от времени его рельеф менялся. То на нем появлялись объемные звездные карты, показывающие четкую траекторию «Дракона», то возникали подсвечивающиеся знаки – целые ряды знаков, то появлялись какие-то кнопки и рычаги.

Как управлять такой штукой, Эмма и понятия не имела.

Зато это отлично знали Ник и Жак. Но и они, несмотря на всю свою осведомленность и потрясающую опытность, не имели доступа к пульта управления «Драконом».

Только Люк и Настоящие деревья определяли путь крейсера.

И это тоже было хорошо, на самом деле.

Потому что Эмма уже не хотела ни за что отвечать и ни о чем думать.

Даже когда приходилось вылетать на катере, все главные решения принимал росток Щелчок. Поэтому полеты проходили легко и просто.

Люк и сейчас стоял за пультом. Его руки, покрытые белыми шрамами от каких-то давних ожогов, ловко управлялись с выпуклыми рельефными значками, а два длинных ростка со множеством мелких листочков то и дело помогали ему, быстро скользя по длинному пульту, протянувшемуся от одного края окна до другого.

– Корабль синтетиков не отстал от нас? Так и преследует? – первым делом осведомился Ник.

Боевой корабль синтетиков действительно преследовал крейсер с детьми.

Эмма хорошо помнила: класс Ви, три десятка беспилотников на борту. Он привязался, точно шнурок к ботинку, и тянулся, тянулся за ними. Держался на безопасном расстоянии от лазерных пушек. Время от времени выпускал беспилотники, досаждавшие, словно мусор на ковре.

Впрочем, с беспилотниками Ник и Жак легко управлялись.

– Вот они, синтетики, – сказал Люк.

Он быстро провел правой ладонью над пультом, один из ростков слегка отодвинулся, и перед Ником и Эммой тут же появилась выпуклая карта межпланетного пространства. Той его части, где находились «Дракон», крейсер с детьми и корабль синтетиков.

Тут же пунктиром обозначилось расстояние до Марса, на самом деле уже не такое длинное. Появились обтекаемые фигурки космических кораблей. Все как на ладони, только не прозрачное, не голографическое, как это получалось у Мартина-Моага.

Живой металл умел создавать объемную карту, которую можно было потрогать, пощупать, ощутив приятную теплую гладкость уникальной плазмы.

– Да, вот он, – пробормотал Ник, всматриваясь в изображение. – Летит за нами. Чего он хочет?

– Я не могу понять! – Люк покачал головой.

– А вот это что? Вон там, впереди, вдалеке? Видишь? – вдруг спросил Ник. – Пусть деревья приблизят этот предмет...

Люк кивнул, и ему не пришлось даже формулировать просьбу. Ростки сами сдвинулись, и пространственная карта тут же изменилась. Повернувшись, удивительным образом увеличилась и показала отдаленный объект, казавшийся ранее жирной точкой.

Теперь все увидели странный дискообразный корабль, выпуклый, огромный, трехуровневый. Судя по его темным иллюминаторам, жизни там не осталось. Мертвый, заброшенный, опустошенный.

– Что это? – не поняла Эмма.

– Очень похоже на станцию. Такую же, на какой жили вы, – пояснил Люк и нахмурился.

Он говорил на чистейшем всеобщем языке, и звук его низкого голоса, настоящего мужского голоса, по-прежнему иногда казался Эмме немного странным. Никогда еще в жизни ей не доводилось встречать взрослого мужчину, как, впрочем, и взрослую женщину.

Люк и Мэй-Си были первыми настоящими взрослыми в ее жизни.

Эмма приблизилась к изображению, вгляделась и отпрянула. То, что показал им Живой металл, действительно было станцией. Такой же, как Моаг, только совершенно мертвой.

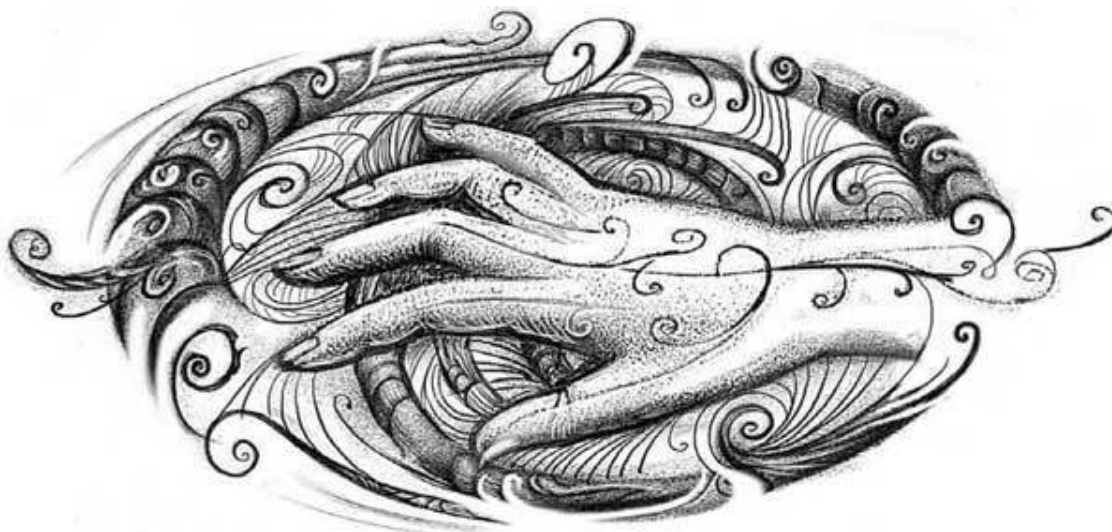
– Это станция, – тихо сказала она. – Что с ней могло случиться? И как она оказалась так далеко от земной орбиты?

– Нам надо туда попасть! – решительно заявил Ник. – Мы не должны пролететь мимо.

– Но мы и не должны оставлять крейсер без защиты, – сказал Люк и серьезно посмотрел на брата.

Глава 3 Таис. Обезьяны

1

Как бы ни было сложно выживать на острове нелегалов, но здесь Таис наконец-то обрела относительное спокойствие. Это значит, что их не преследовали ни роботы, ни фрики и не надо было прятаться, скрываться и спасать свою жизнь.

Четыре с половиной недели, тридцать два дня. Федор оставлял на деревянных перекладинах мостика длинные зарубки по счету прожитых дней. Этаким примитивный календарь, чтобы не потеряться во времени. В самой деревне дни и месяцы считали на главной площади, где Йомен раскладывал круглые белые камешки в небольшие выемки каменного круга. Но не будешь ведь каждый раз ходить к центру деревни, небольшой утоптанной площадке перед сторожевой вышкой, чтобы посчитать дни. Поэтому Федор и завел свой календарик на перекладине деревянного мостика. Того самого, что вел к лестнице, поднимающейся к огородным грядкам.

И вот, глядя в лицо перепуганной Амалике, у которой разве что волосы не стояли дыбом, Таис вдруг поняла, что покой закончился. Не осталось его совсем, ни крошечки, ни капельки. Снова надо доставать меч и драпать, спасая собственную шкуру. Уносить ноги непонятно куда, оставляя обжитое и теплое жилище на разграбление диким животным.

– Чего им надо, этим обезьянам? – возмутилась Таис.

Уходить не хотелось совсем, и сама мысль о блуждании по лесным зарослям навевала тоску.

– Бегите, – только и успела пробормотать Амалика и выскочила за дверь. – Торопитесь! Мы не можем ждать!

Амалика была единственной дочерью Йомена. Его жена умерла, и на попечении пятнадцатилетней девочки осталось четверо братьев. Двое вполне себе взрослых, а двое совсем малыши, им еще и семи не было. С такой обузой быстро не убежишь, мальчишки будут цепляться за юбку, ныть и отставать.

Таис взглянула на Федора и увидела, что он успел вооружиться.

– Бери бластер! – тихо приказал он. – У меня будет меч. Пошли посмотрим, что это за обезьяны.

Таис вздохнула, покачала головой и направилась к грубо сколоченному сундуку, в котором хранились штаны, куртка и кроссовки. Лучше переодеться: длинная юбка и накидка будут только мешать.

2

Таис не знала, что брать с собой, что спасать, а что оставлять. У нее не было никаких идей, никакого представления о том, как действовать в такой опасной ситуации. Что им сейчас делать? Сразу бежать в лес? Или спуститься к морю и попробовать отплыть на лодках?

– Сам не знаю, – хмуро проговорил Федор, засовывая за пояс грубых домотканых штанов рукоять меча. – Посмотрим, что остальные делают. Может, придется сражаться. Это не сложнее, чем убивать фриков, поверь, Тай. Это же просто обезьяны.

– Ладно, – кивнула Таис. – Ладно.

Это просто обезьяны, просто проклятые белые обезьяны, чьи деревянные изображения украшали деревенскую площадь. Они не должны быть страшнее фриков по идее.

Федор проворно зашнуровал ботинки, и они выскочили за дверь. В лицо ударила волна потеплевшего воздуха, щедрые солнечные лучи сушили мокрые доски мостика. Под ногами, в опасной глубине, шумел прибой, но его рокот не мог заглушить крики, вопли и странный высокий визг, наполнявший округу.

С мостика имелся только один путь – наверх, по ступеням, через огород на единственную деревенскую улицу. Григорий уже поджидал их у конца лестницы, клинок его меча отражал слепящие лучи солнца, и Таис вдруг успокоилась.

Да что с ними случится, когда они вооружены? И они взрослые. Они ведь с Федькой давно уже не дети, а значит, не беспомощные и не беззащитные. Взбежав по ступеням, Таис оглянулась и вздрогнула.

Буквально через два огорода от них, на соседнем участке, десяток обезьян с корнями вырывали посевы, время от времени пронзительно кричали, а еще парочка здоровенных тварей потрошила соседскую козу. Ростом обезьяны были с десятилетнего ребенка, но их длинные лапы с большими когтями представляли реальную угрозу. Животных было много: в клубах дорожной пыли, приближавшейся к огородам, угадывался не один десяток обезьян. Звери бежали на четырех лапах, задирали хвосты и скалили в странных улыбках длинные клыки.

– Они здесь, – тихо пробормотала Таис и пожелала всем обезьянам сдохнуть.

– Сейчас сдохнут, – хмыкнул Федор и двинулся вперед, навстречу рычащему клубку пыли.

– Не стоит этого делать, уходим! – крикнул ему вслед Григорий.

– И бросим детей? – тихо проговорила Таис, показав на три худенькие скорченные фигурки, видневшиеся на невысоком дереве на краю двора. К ним уже прыгала парочка обезьян с высоко задранными хвостами, и можно было не сомневаться, что детей ожидала участь несчастной козы.

– Черт бы их побрал, – буркнул Григорий.

– Пошли, не поберет. Черти только на станциях храбрые, а тут, видимо, забыли о своих обязанностях, – зло улыбнулась Таис.

Покой неожиданно закончился. Наступило время войны. Снова наступило время войны.

Интересно, человечество сможет хоть чуть-чуть пожить в мире?

Первых двух обезьян Федор снес одним ударом. Глупые твари даже не поняли, что с ними случилось. Тех, что неслись в клубах пыли, убил Григорий, он орудовал мечом, раньше принадлежавшим Таис.

Какое-то время Таис просто наблюдала за сражением, чувствуя, как расползается на губах улыбка. Ну наконец хоть что-то на острове нелегалов удастся контролировать. Потом спохватилась, подняла пистолет и принялась методично расстреливать особей на соседних огородах.

Люди покинули дома так поспешно, что даже не успели загасить печи, и из дымоходов все еще тянулись длинные струйки дымка. Соседка оставила на ступеньках крыльца кувшин с водой, который белые твари тут же опрокинули и разбили.

Но хуже всего было то, что некоторые семьи бросили детей. Малышей, которые стали бы обузой при бегстве. Пяти-семилетних карапузов мамки закинули на ветки деревьев, как будто это могло спасти от бешеной обезьяньей оравы. Таис еле успела освободить двоих недалеко от своего дома.

Расстреляв настырных тварей, она перепрыгнула через их трупы и очутилась перед раскидистой алычой с толстым стволом и удобными развилками. Малыши, которых она не раз видела играющими на пыльной дороге, оказались невредимыми, хоть и не на шутку напуганными. Они цеплялись за ветки с животной яростью, и их не сразу удалось снять.

Никто не плакал, ребяташки лишь таращили темные глазенки и перепуганно икали. Таис вдруг поняла, что малыши и не ждали освобождения, даже не надеялись остаться в живых. Конечно, они маленькие, они не так много понимают. Но то, что обезьяны несут смерть, это дети знали, безусловно знали.

Таис развернула детей – это были мальчишки – и пихнула их по направлению к своему огороду. Надя в битве не участвовала, она позаботится о малышах.

И действительно, Надя тут же подхватила мальчишек и направилась с ними в дом. У края лестницы ее поджидала еще парочка спасенных. Судя по всему, детей у них в хижине сегодня будет немало.

Обезьяны не сразу сообразили, что их убивают. Видимо, в деревнях им еще не доводилось встречать отпор, поэтому они ничего не боялись и буквально лезли на мечи. Их белая с темными подпалинами шерсть тут же окрашивалась кровью, и они падали, так и не поняв, что мертвы. На самом деле их сила была в количестве. Огромная стая, заполнившая деревню, не заметила потери нескольких десятков зверей, и твари продолжали разорять дома, убивать скотину и грабить огороды.

Некоторые обезьяны почему-то вспыхнули лютой ненавистью к посуде: практически везде Таис натыкалась на глиняные черепки, разлитую воду, рассыпанные продукты. На пороге одного дома она увидела сразу трех обезьян, лопающих кашу из горшка. Они черпали ее пальцами, после долго облизывались и довольно скалили здоровенные рты. Или пасти?

У обезьян, скорее всего, пасти.

Таис убила сразу троих, а горшок сердито спихнула с крыльца. Обезьяны гадили прямо там, где ели, и резкий запах их испражнений мешался с запахом крови.

Людских жертв не оказалось, чему Таис была несказанно рада. Все-таки сторож сумел вовремя предупредить деревню, и люди успели уйти, хотя и оставили на растерзание стае несколько маленьких детей. Малышню удалось спасти, а к Таис твари, растерянно гибнущие от лазерных выстрелов, даже не успевали подобраться.

Правда, одно животное все-таки прыгнуло ей прямо на голову. Приблизившись к одному из домов, Таис не заметила притаившуюся на крыше обезьяну, и та напала на девушку, готовая впиться клыками ей в горло. Ее когти зацепились за куртку, вонючая пасть распахнулась, и мокрые зубы оказались совсем рядом. Мерзкие обезьяньи зубы.

Горящие злобой маленькие глазки взглянули прямо в лицо Таис.

Девушка пронзительно и яростно закричала, с размаху стукнула пистолетом по маленькой голове и с огромным трудом оторвала от одежды острые когти. Еще чуть-чуть, и тварь разодрала бы ей ноги и руки. Обезьяна отпрыгнула и тут же приготовилась снова напасть, но не успела. Меткий выстрел разнес в клочки ее небольшую голову с розовыми ушами по бокам.

Но большинство обезьян не нападало: они просто не успевали. Занятые разграблением деревни, они погибали от ударов мечей и выстрелов бластера. Их трупы оставались лежать на дороге, на огородных грядках, и теплый воздух, казалось, набух и отяжелел от запаха крови.

Вожак стаи первым заметил Григорий. Он окликнул Федора, махнул мечом, призывая к себе. Таис оглянулась, удивленная: что, мол, еще такое?

Оглянулась и увидела огромную серую обезьяну с белыми кругами вокруг красноватых глаз. Вожак стоял на задних лапах перед поверженным трупом одного из животных и яростно ревел, стуча лапами себе в грудь. Видимо, только сейчас до него дошло, что не все гладко в его обезьяньем королевстве.

Крупные белые клыки выступали из его пасти далеко вперед, здоровенные пальцы заканчивались острыми длинными когтями. С таким встречаться было опасно, он на целую голову превышал средний человеческий рост. Одним словом, вожак обезьяньей стаи.

Остальные обезьяны, слышав его горестный и злой рев, остановили грабеж, замерли, повернули к нему морды. Огромное множество обезьян, все еще продолжавших разорять деревню. До них вдруг дошло, что надо сражаться, а не воровать.

Еще ни разу в жизни обезьяны не встречали отпора, и потому на их мордах отразилось смешное и бестолковое замешательство. Они слышали призыв к битве, но не видели врага. Озирались и не могли понять, с кем сражаться.

А вожак между тем оборвал свой яростный призыв, потянул носом воздух, коротко рыкнул, опустился на четыре лапы и быстро направился к Федору и Григорию. В его намерениях можно было не сомневаться. Он желал уничтожить чужаков, осмелившихся восстать против стаи.

Впрочем, его боевой порыв продлился недолго. Едва вожак приблизился, Григорий ловким ударом снес ему голову. И тогда обезьянье стадо словно лишилось воли. Твари растерялись, забегали по грядкам, запрыгали по крышам, застучали лапами по ступеням.

К концу битвы появился Пушистик. Как обычно, он спустился с лесистого склона после охоты, но, учуяв кровь, коротко взревел и белым пушистым шаром кинулся в битву. Драться он умел, его прыгучесть, наглость и приткость вдвойне превосходили обезьянью. Все-таки фрики были прирожденными убийцами.

Пушистик напугал обезьян окончательно. После того как первые несколько тварей пали жертвами его когтей, другие поторопились отступить. Они забрались на крыши, подальше от бушующего фрика, что-то возмущенно залопотали на своем обезьяньем языке и принялись выдирать пучки покрывавшей кровлю травы и кидать вниз, как будто это могло повредить беснующемуся хищнику!

Да он даже не замечал этих выходов! Он находился на пике вдохновения, он совершал убийства и наслаждался этим.

3

Битва подходила к концу, и стая все больше отступала к выходу из деревни, когда подключились местные жители. На дороге появилось несколько мужчин, вооруженных луками. В животных полетели не только стрелы, но и камни, палки и просто комья земли. В ход пошло все, что оказалось под руками.

Лишившись жоака, стая, которая все еще оставалась многочисленной, растерялась, и обезьяны решили убраться в свои леса, на восточные склоны гор, откуда они и явились. Опустившись на четыре лапы и задрав высоко хвосты, звери поспешили прочь.

Таис устало вытерла заливавший глаза пот, вздохнула и поискала глазами Федора.

Тот, целый и невредимый, стоял, опершись на поваленный забор какого-то огорода, и победно улыбался. Он перехватил взгляд Таис, довольно поднял брови, показал клинком на последних убегающих тварей, которых преследовал только злой Пушистик, и сказал:

– Мы их прогнали!

– Знай наших! – довольно улыбнулась Таис.

4

После нашествия стаи деревня выглядела просто ужасно. Развороченные огороды, поваленные заборы, убитые козы, куры и индюшки. Разбитая посуда и множество трупов животных. Такого количества мертвых обезьян Таис еще ни разу в жизни не видела. Впрочем, как и живых.

Стая, уменьшившаяся почти на треть, уходила вверх, и белые спины животных с редкими черными подпалинами скрывались под изумрудными кронами деревьев.

– Зря мы на них напали. Жрецы будут нами недовольны, – тихо проговорил высокий мужчина, державший в руках лук со стрелой. Он по-прежнему был готов стрелять и убивать, но уже сожалел о своих поступках.

Таис удивленно уставилась на него. Самый обычный рыбак: светло-каштановая короткая борода, загорелое и обветренное лицо, две длинные продольные морщины на лбу и желто-серые глаза, словно окошки, в которые видно небо. На шее веревочка с неизменной иглой морского ерша – здешним символом удачи.

– Вы никогда не задавали обезьянам приличной трепки! – Федор подошел к рыбаку и пристально посмотрел на него.

Это был не вопрос, а утверждение, Федор знал, о чем говорил.

– Обезьяны – это священная пища священных животных, – устало проговорил мужчина. – Только семукам позволительно поедать обезьян.

– Какая разница, кто их убивает? – нахмурился Федор. – Нет ничего священного на самом деле.

– Не богохульствуй! – резко оборвал его мужчина. – Вам просто повезло, с вами семук. Он пожелал напасть на обезьян, и потому мы вступили в бой, приняв нападение семука за добрый знак. Но неизвестно, как посмотрят на это жрецы.

– Не рассказывайте им. Сейчас закопаем трупы, наведем порядок, и через два дня тут все будет по-прежнему. Никто и не узнает.

– Жрецы всегда все узнают. Им не обязательно рассказывать. Обо всех событиях их оповещают духи предков.

Федор только вздохнул в ответ, покачал головой, убрал клинок меча и сказал, что пора приниматься за уборку.

Таис сунула бластер за пояс штанов, оглядела пыльную деревенскую дорогу, повернулась и направилась к дому. Убирать трупы она не будет, даже если все здешние женщины займутся этой мерзкой работой. Она не рабыня островных мужчин, пускай сами трудятся. Хватит уже того, что Таис сегодня спасла нескольких деревенских малышей.

Интересно, как они там?

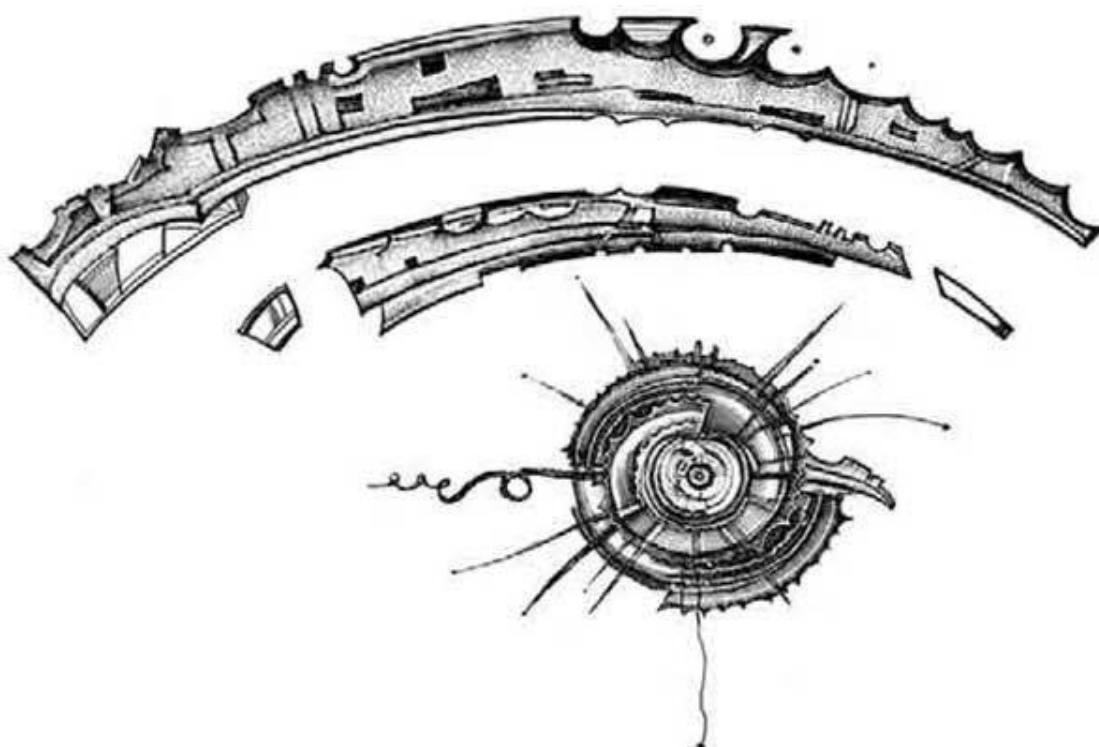
Чтобы попасть домой, пришлось миновать некрутой поворот, где пыльная дорога выходила на главную площадь, – такую же пыльную, выбеленную солнцем и просоленную океанскими ветрами. Каменный часовой стол, на котором в специальных выемках лежали

камешки, отмечающие прошедшие дни, деревянные фигурки обезьян. Таис привычно насчитала шесть фигурок и вдруг пнула одну – ту, у которой с одного глаза слезла краска, так что морда казалась полуслепой.

Потом зачем-то прикоснулась к деревянной маленькой голове, теплой и шершавой. На ум вдруг пришла старая считалочка:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить.
Выходи, тебе водить...

Какую странную и жестокую игру затеяли со здешними жителями жрецы? И неужели водить опять выпадет Федору и Таис?

Глава 4

Эмма. Гость незванный

1

Навигаторами для «Дракона» являлись все те же Настоящие деревья. Большую часть времени они обитали в центре управления кораблем, и их мощная корневая система погружалась в прозрачную емкость с Живым металлом, расположенную прямо в полу. Сине-голубой куб, в котором длинные коричневые корни находились в неразрывном симбиозе с плазмой.

Из плазмы вырастали два крепких толстых ствола с гладкой шоколадно-коричневой корой, множеством веток, листьев и мелких цветочков. Настоящие деревья оживляли центр управления, делая его воздух прозрачным, чистым и каким-то... настоящим, что ли. Воздух, которым можно было дышать бесконечно, который прояснял ум, убирал тревоги и заставлял сердце биться ровнее.

Благодаря то ли кристальному воздуху, то ли собственной интуиции Эмма почувствовала странную молчаливую угрозу, исходящую от умершей станции. Это не было ясной мыслью, скорее наваждением, мрачными воспоминаниями о темных коридорах и жутком вое.

У Эммы не было права голоса на совете «Дракона», ее никогда не спрашивали, как поступить. Она считалась почетной гостьей, не более того. Потому, когда тишину нарушил нерешительный Эммин голос, к ней не сразу повернулись.

– Может, просто пролетим мимо? – тихо проговорила Эмма.

Люк посмотрел на нее – серьезно и немного снисходительно: мол, что может знать эта девочка с отсталой планеты? Потом отвел взгляд, прикоснулся к пульту.

– Станция молчит? – спросил он.

Вопрос был адресован Настоящим деревьям. Тонкие усики с крошечными листочками слабо шевельнулись, оплели пульт еще плотнее, выпустили несколько розовых цветочков с малюсенькими желтыми тычинками. Потом вздрогнули, и Эмма уловила ясную мысль.

Станция просит о помощи. Отправлено послание, умоляющее помочь. На станции находятся дети, и они в беде.

– Еще одна станция с детьми? – удивился Ник.

Он сделал несколько шагов и уперся ладонью в объемное изображение. Отодвинул один из усиков, всмотрелся в темный диск.

– Вы уверены?

– Они уверены, – вместо деревьев ответил Люк. – Теперь нам решать, что будем делать.

– Надо пролететь мимо, – упрямо проговорила Эмма.

На нее не обратили внимания. Теперь решение принимали Люк и Настоящие деревья, и даже Ник был лишен права голоса.

– Пойду готовить катер, – весело сказал Ник. – Это дело быстрое. Скоро мы приблизимся к станции, и можно будет выслать катер и все осмотреть. Если нет электричества, то нет и синтетиков. В таком случае мы будем в безопасности, цемуки нам не страшны. Правда, Эмма?

Он широко улыбнулся и подмигнул ей.

– Полечу я, – решительно заявил Люк. – Вы останетесь на «Драконе».

– Чего? – Ник перестал улыбаться и перешел на язык родной планеты.

Эмма понимала каждое слово благодаря Настоящим деревьям.

– Чего это мы опять должны отсиживаться на крейсере? Ты снова самый храбрый, так, что ли? – возмутился Ник.

– Даже не спорь, – хмыкнул Люк. – Я сказал, значит, так и будет. Мой катер в боевой готовности. Как только приблизимся на достаточное расстояние, я вылетаю.

Ник сморщился, скорчил рожу, хлопнул себя по бедрам и выставил вперед ладонь правой руки. Загадочный жест, который частенько использовали братья. Что он означал, Эмма не знала.

– Лети, братец, – на родном языке сказал Ник.

2

Лететь туда не следовало. Откуда она это знает, Эмма, как всегда, не могла объяснить. В последнее время все ее чувства немного притупились. На «Драконе» не надо было бороться за выживание, не надо было предугадывать, где скрывается опасность, и не надо было ничего бояться.

«Дракон» оказался уютным и безопасным местом, потому Эмма расслабилась, утратила бдительность, если можно так сказать. И вот вдруг впервые за много дней в ней проснулись страхи. Вспыхнули, как луч меча, что выезжает из рукояти за доли секунды.

И теперь все вокруг звенело от назойливой уверенности, что станция представляет опасность, что лететь туда не следует.

Но с другой стороны, вдруг там действительно есть дети?

Просьбы о помощи все еще продолжали звучать, и деревья даже переложили их на те частоты, которые улавливало человеческое ухо.

«Мы просим оказать помощь. Станция в опасности. На станции находятся дети. Мы просим оказать помощь...»

Три предложения, которые повторялись и повторялись. Звучали, как наваждение, заставляя Эммино сердце стучать в бешеном ритме. В ритме тревожного предчувствия.

Она больше ничего не говорила братьям. Она вообще нечасто открывала рот, предпочитала помалкивать. А когда Люк не обратил внимания на ее предупреждение, и вовсе ушла к себе в каюту, устроилась на кровати и принялась наблюдать, как Рэм и Тин бегают по коридору, гоняя маленького механического дракончика.

Дракончик этот был самым настоящим роботом, но почему-то принадлежал мальчикам, детям Люка. Слушался только их, и они постоянно учили его, отдавали громкие команды и вообще всячески помыкали синей металлической игрушкой.

Ростом дракончик едва доставал братьям до макушки, этакая миниатюрная копия большого дракона. Милая, симпатичная и очень добродушная. Постоянно готовая играть и баловаться в коридорах крейсера.

Братья заставляли дракончика бегать по коридору, кидали ему разноцветные шарики и время от времени требовали, чтобы он взмахивал крыльями. Блестящая черная голова робота казалась почти настоящей благодаря синим выразительным глазам и длинному языку. Острые белые зубки напоминали о хищной натуре дракончика, а цепкие лапы, стучащие по коридору, обладали острыми когтями.

Эмма долго наблюдала за детскими играми, надеясь, что тревога внутри уймется, заглушится и перестанет дребезжать, как провисшая струна.

Но не тут-то было!

Чем больше бегал по коридору дракончик и чем громче смеялись мальчишки, тем сильнее наваливался ужас. Почему-то казалось, что вот-вот в тепло и свет уютных коридоров ворвутся пауки с лазерами и откроют стрельбу. Или появятся странные роботы-чудовища, умеющие убивать.

Почему на корабле оставили робота-дракончика? Почему он стал детской игрушкой? Почему никто его не боится? Разве роботы не опасны?

Назойливые мысли лезли и лезли в голову. И ни капли отдыха.

Пришло время ужина, потом Мэй-Си начала укладывать детей спать. Топот и крики в коридоре прекратились, и Эмма, прятаясь за прозрачной стеной личной каюты, наконец очутилась в тишине.

И оказалось, что у нее больше нет сил противостоять страху и тревогам. Вскочив на ноги, она приблизилась к теплой стеклянной стене каюты, которая с внешней стороны была темно-коричневой и непроницаемой, а изнутри представляла собой этакий полупрозрачный экран. Прислушалась и решительно прикоснулась к датчикам двери. Те сработали мгновенно: дверь беззвучно откатилась в сторону.

Эмма направилась в ангар к катерам. Почти побежала, смутно надеясь, что вылет Люка отложен. Может, они передумали?

3

Люк успел облачиться в темно-серый костюм с белым поясом, к которому крепился лазерный меч. Его круглый катер поблескивал сияющими боками, небольшой росток, закрепленный в полу в сосуде с Живым металлом, слегка подрагивал, прильнув к стене.

– Присматривайте за крейсером. На связи, – лаконично распорядился Люк на всеобщем языке и, строго взглянув на Эмму, добавил: – Ты тоже. Полностью отвечаете за все процессы. Мэй-Си главная, ее слушайте.

– Как обычно, – бойко ответил Ник. – Как обычно, брат.

– Если придется эвакуировать детей, вы свяжетесь с главным крейсером. Свяжетесь со штурманами станции. Они занимаются эвакуацией.

– Как обычно, – снова повторил Ник.

Люк заскочил в катер, ступеньки превратились в тягучую каплю, которая тут же наглухо закрыла проем. Загудели шлюзы, и всем пришлось выйти из ангара.

Тревога внутри Эммы просто орала тягучим бешеным голосом фрика. Выла и визжала, готовая вцепиться Эмме в сердце.

И откуда только берутся все эти паршивые предчувствия?

Вернулись в центр управления. Уселись у пульта, все трое: Ник, Жак и Эмма.

Нгака, которая в этот день была дежурной по кухне, возилась где-то с остатками ужина и посудой. Мэй-Си укладывала детей, и до корабельной рубки доносился ее ласковый голос. Она пела колыбельную.

Эмма уже понимала немного родной язык жителей планеты Эльси, поэтому могла разоб-
брать простые слова песенки и без деревьев-переводчиков.

Наше красное светило закатилось на покой.
Землю мглой ночь накрыла, и за дальнею звездой
На цветущие поляны, где ручьев поющих звон,
Опустился гость незванный – огнедышащий дракон.

Тягучий, медленный напев тянулся, как толстый кабель, соединяющий сервера.

Эмма не отводила взгляда от пульта. Она видела, как катер отлетел от «Дракона», как направился к темной станции. Ничто не мешало ему, ничто не предвещало никакой опасности.

Да и что может угрожать Люку? Если на станции есть синтетики, то росток быстро выключит их. Если есть фрики – росток сможет ими управлять. По сути, рядом с ростком Настоящего дерева Люк в безопасности. Тут нечего бояться.

...гость незванный – огнедышащий дракон...

Песня все звучала и звучала, крутясь в голове назойливым мотивом. Теперь уже сама Эмма тихонько напевала ее. А ведь Люк действительно явится как незванный гость. Вот уже подлетел к самой станции, вот приблизился, нашел шлюз.

Больше неба его крылья, ярче звезд его глаза,
От огня его пылают горы, склоны и леса.
Берегись, дитя, дракона, в темноте он прилетит
И огнем дома наполнит, никого не пощадит...

Эмма пропела последние строки, тщательно выговаривая слова незнакомого языка. Тихо повторила: «Никого не пощадит».

Дракон из песни – это, судя по всему, робот. Огромный робот, если крылья больше неба. Вовсе не игрушечный. Потому и никого не пощадит. Роботы никого не щадят, никого не оставляют. От них никто не спасается.

И на этой странной темной станции тоже никто не спасся. Если сюда не успели раньше наведаться миротворцы из бывшей Торговой гильдии, то роботы никого не пощадят. И потому Люк зря летит, это ловушка. Подстава. Детей там уже просто не может быть...

Эмма выскочила из огромного удобного кресла, подбежала к пульта.

– Ты чего? – не понял Ник.

– Это ловушка, – тихо проговорила Эмма. – Они устроили ловушку.

– Кто?

– Синтетики. Они здесь, я знаю.

– Это не так, – тут же возразил Ник.

Но Жак молчал, выжидаяще глядя на Эмму.

Катер Люка между тем успел залететь в темный зев шлюза. Едва он скрылся из виду, как ярко и нагло вспыхнули огни станции, и вся она быстро пришла в движение, точно ловкий и подвижный организм. Медленно закрутилась и сдвинулась с места.

Огни ее еще раз вспыхнули и погасли, и вся эта здоровенная машина стала похожа на огромного довольного дракона, только что проглотившего добычу.

– Вы меня слышите? – раздался голос Люка.

Настоящие деревья наладили связь с ним.

– Да! – тут же заорал в ответ Ник и от волнения перешел на родной язык.

– Что там? Что случилось?

– Они убили мой росток. Катер захвачен, а сам я ранен. Улетайте отсюда, немедленно!

4

Его слова показались взорвавшейся бомбой. Тишина рассыпалась на множество шуршащих клочков, зашелестели листья Настоящих деревьев, и Эмма впервые уловила эмоции этих странных существ.

Бешенство. Злость. Ярость.

Деревья испытывали небывалую ярость при известии о гибели ростка.

– Что случилось?

Мэй-Си торопливо спустилась по белым ступенькам и остановилась у пульта. Ее глаза, мягкие, светлосерые, теперь вдруг потемнели. Или это только показалось?

Эмму захлестнула тревога, и она поняла, что прежнее умение чувствовать людей и их настроения возвращается. Звериная сущность снова напомнила о себе, обострив интуицию и восприятие мира.

– Люк оказался в ловушке. Его надо выручать, – без колебаний заявил Жак. – Мы вылетаем, сейчас же.

Настоящие деревья были с ним согласны, Эмма услышала их «согласие», уловила их готовность сражаться.

– Не смейте! – тихо прозвучал голос Люка. – Я сам попытаюсь выбраться. У них везде ловушки.

– Как погиб росток? – быстро спросила Эмма.

Она не была уверена, что ее вопрос будет услышан, но Люк тут же ответил:

– Они знали, где находится капсула с Живым металлом. Взломали ее и закинули в плазму чип, который преобразил Живой металл, превратив его в робота. Корни ростка погибли.

Дальше все было ясно. Если погибают корни – погибает сам росток. Настоящие деревья легко восстанавливаются после того, как обрубают их ветви, обрывают листья или цветочки. Они практически неубиваемы, но их корни уязвимы. Только корни. Без корней нет Настоящих деревьев.

– Надо вытащить тебя. – Голос Мэй-Си стал твердым, будто металлическим. Ни тени сомнения, ни капли неуверенности.

– Мы вытащим его, – мрачно заявил Ник.

– Не говори заранее, – остановил брата Жак. – Как мы туда заберемся, если они сразу уничтожают плазму и росток?

– Только снаружи. Там есть входные отсеки, – подсказала Эмма. – Я не бывала в них, но знаю, где они находятся. Не раз изучала карту станции.

– Ты? – Ник удивленно поднял брови и хлопнул себя по коленям. Деревянные бусины на его браслетах бешено заплясали.

– Я. Могу показать.

– Неосмотрительно подвергать девочку такой опасности, – забеспокоилась Мэй-Си.

Выражение ее милого круглого лица в этот момент вдруг сильно напомнило выражение Таис, когда та отправилась в запертые ангары за Федором. Такая же решимость и такое же отчаяние.

– Она уже участвовала в битвах, и не раз. – Ник принялся убеждать жену брата. – Она не растеряется. Попробуем проникнуть извне. Скафандры у нас есть.

– Открытый космос? – нахмурилась Мэй-Си.

– Не отпуская их, – тут же зазвучал голос Люка. – Я не сильно ранен, я смогу выбраться сам. Не рискуй мальчиками!

– Все, отправляемся. – Жак повернулся и направился к ангарам. – Старших братьев надо слушаться, но не всегда. Мы это уже проходили.

Настоящие деревья были с ним согласны.

Эмма тоже понимала, что надо вытаскивать Люка. Раньше, еще когда она жила на станции, дети всегда выручали своих. Это было неписаным правилом, ориентиром, своеобразным маячком, помогающим принимать решения.

Своих надо выручать. Потому что это свои.

Здесь, в семье инопланетян, судя по всему, действовали так же. Вот и чудесно.

Эмма поднялась и вслед за Жаком направилась к ангару.

5

У широких раздвинутых дверей Эмму остановил Ник. Положил ладонь на плечо, слегка надавил.

– Полетишь вместе со мной, в моем катере. Потому что катер Люка пострадал, его уже нет. Осталось только три, и всеми ими рисковать мы не можем. И надо быстро управиться, потому что, выручая Люка, мы теряем время, и крейсер с детьми удаляется от нас. А наша первейшая обязанность – охранять его. Мы нарушаем свои обязательства.

Эмма торопливо кивнула: согласилась.

– Отлично. Летим.

Эмме пришлось облачиться в серо-белый костюм, плотно облегающий тело, мягкий, невесомый и удивительно удобный. Прозрачный овальный шлем нашелся на полочке в круглом катере.

– В этом скафандре ты сможешь выходить в открытый космос, – сказал Ник, оглядывая Эмму с головы до ног.

Эмма торопливо заплела волосы в косу, чтобы не мешали, и заверила Ника, что ей удобно.

Мэй-Си наблюдала за сборами, лично проверила катера. А когда все было готово, приблизилась к братьям, положила ладони им на плечи и поцеловала каждого в щеку.

– Берегите себя, мальчики, – тихо сказала она. – И привезите моего Люка.

– Люк всегда выпутывался из разных передряг, – ухмыльнулся Ник, – и сейчас выпутается.

– Да хранит вас всех Настоящая мать, – тихо, еле слышно проговорила Мэй-Си, словно произнося какую-то ритуальную формулу.

– Да хранит нас всех Настоящая мать, – тут же согласился с ней Жак.

Потом Мэй-Си подошла к Эмме и точно так же положила ладони ей на плечи. Тепло рук Мэй-Си передалось даже через прочную ткань скафандра. Или Эмме только показалось?

– Да хранит тебя Настоящая мать, – произнесла Мэй-Си и поцеловала Эмму.

Мэй-Си не притворялась, она действительно дорожила Эммой и переживала за нее. Мэй-Си умела любить не только собственных детей и своего мужа. Тепло ее привязанности распространялось на всех жителей крейсера «Дракон», и даже Эмме перепадало.

Только Эмма была недостойна этого тепла. Потому что в свое время не сумела уберечь самого дорогого человека, не сумела быть верной и вовремя прийти на помощь.

Может, поэтому так торопится сейчас помочь Люку?

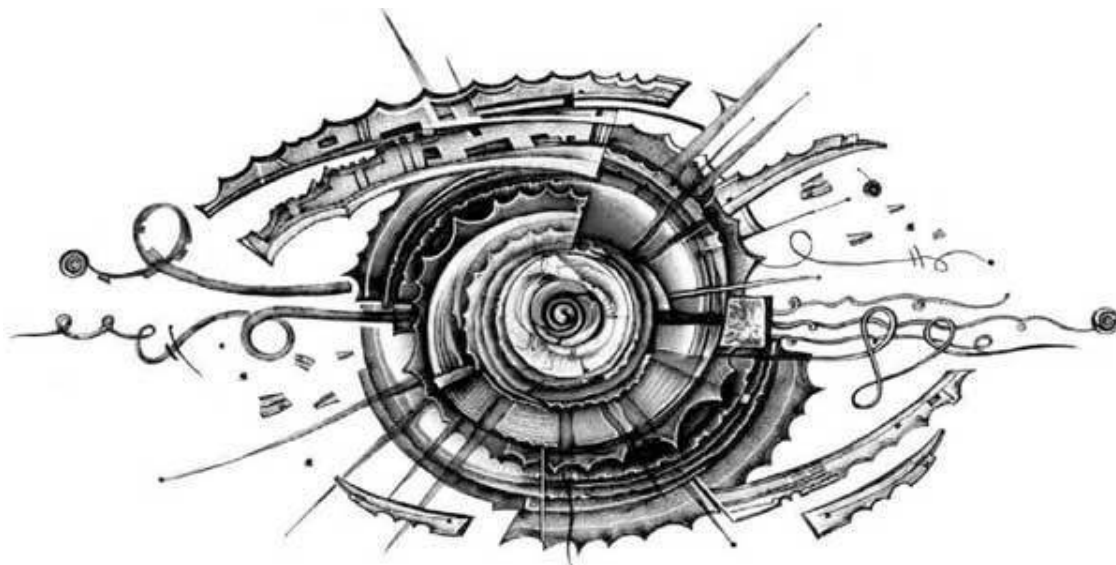
Эмма отстранилась, повела плечом, стараясь сбросить теплые ладони. Повернулась и поднялась по ступенькам катера.

Вперед. Своих всегда надо выручать. Это самое главное правило.

Глава 5

Таис. Незаживающие шрамы

1

Надя быстро научилась печь лепешки в здешних печах. Ловко шлепала тесто на горячие стены, уверенно управлялась с топкой. Таис только смотрела на то, как она это делает. Сама она научилась разве что варить кашу и запекать рыбу. Гораздо ловчее она владела мечом и бластером. Кулинарные же способности ей не достались, судя по всему.

Вот и сейчас, ополоснув руки, лицо, шею и ноги холодной водой, она уселась на плоском камне рядом с печкой, подперла голову руками и принялась ждать, когда же на деревянном столике, устроенном под навесом, появится стопка ароматных горячих лепешек.

Травяной чай был уже заварен – пузатый кувшин, наполненный доверху, стоял на самой середине столешницы. Рядом с Таис устроились пятеро малышей, все чумазые, черноглазые и настороженные. Они нахохлились, точно воробы, подбирали под себя руки и ноги, втягивали головы в плечи. Они все еще боялись.

Да и немудрено, ведь самому старшему было не больше восьми. Малявки, одним словом.

Каждому Надя успела сунуть по горсти темных, липких ягод, и они медленно тянули их в рот, пачкаясь еще больше. Чьи это дети? И почему их оставили обезьянам?

Все это только предстояло узнать.

Потому Таис терпеливо ждала, когда же жители деревни приведут дома в порядок и можно будет поискать родителей мальчиков. Все уцелевшие дети были мальчиками.

Федор и Григорий все еще помогали с уборкой. Таис становилось тошно при одной лишь мысли о том, чтобы выносить мокрые от крови трупы и где-то их закапывать, потому она даже не пыталась помогать. Все, что могла, она уже сделала, потому честно заслужила отдых.

Жители возвращались, мимо их огородика то и дело проходили женщины, мужчины, дети и старики. Притихшие, взволнованные, они вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть, уцелели ли их дома, охали при виде мертвых обезьян и тихо переговаривались друг с другом.

Они еще пока не знали, кто укокошил столько животных, потому в огород к Таис и Наде не заглядывали. Просто проходили мимо.

И никто не хватился оставленных мальчиков. Пятеро малышей все еще сидели у стола, и им первым Надя дала лепешки. Лопали они торопливо и молча.

Таких молчаливых детей Таис еще не доводилось встречать, за все время никто из них не проронил ни звука. Да и неудивительно. Таис и сама бы, наверное, язык проглотила от страха, если бы ей было пять лет и на нее лезла куча мерзких обезьян.

Наконец и ей перепала горячая лепешка, и она вгрызлась в нее, думая о том, что съела бы десяток таких, наверное.

Когда мальчики наелись, Надя принялась их расспрашивать.

– Как вас зовут? Кто первый назовет свое имя? – ласково спросила она, опустившись на корточки, чтобы оказаться вровень с мальчиками.

Тишина. Ни один даже рта не раскрыл.

– Ладно. Тогда еще один вопрос. Где вы живете? Кто знает, где находится его дом? – Надя не говорила, а ворковала, ласково и нежно. Старалась ничем не напугать и без того перепуганных мальчиков.

Опять тишина. Один мальчишка, самый маленький, засунул в рот грязный палец, икнул и отрицательно помотал головой. Остальные глазели на Надю так, словно бы вообще в первый раз слышали человеческую речь.

– Видимо, они дураки, – зло заключила Таис, – если не могут даже назвать свои имена. Да, мальчики? – Она глянула на детей и ехидно улыбнулась. – Вы дураки?

Все пятеро отрицательно замотали головами.

– Ну, хотя бы они слышат, не оглохли, – кивнула Таис и сунула в рот еще один кусок лепешки.

– Они просто напуганы, Тай. Не надо их ругать. – Надя поднялась, провела ладонью по лохматой голове самого маленького и занялась посудой.

– Никто их и не ругает! – Таис пожала плечами. – Просто пытаюсь понять, что у них в головах. Судя по всему, совсем немного. Парочка прямых извилин, не больше. Могу спорить, что самый старший не умеет ни считать, ни читать. И думать, судя по всему, тоже не умеет.

– Тут никто не умеет читать, кроме жрецов, – ответила Надя.

– Тем более. Какая-то деревня дураков прямо! – Таис хмыкнула. – Что они вообще здесь умеют, кроме того, что рыбу ловить? Даже защитить собственных детей от обезьян и то не умеют. Григорий сказал, что твари скорее всего ни разу не получали отпора. Вот и творили, что хотели.

– У них такие правила, – устало ответила Надя.

– Правила, которые устанавливают жрецы. И жрецы наверняка читать умеют. Странно все это.

– Ничего странного. Обычные попытки выжить, и все.

Только Таис собралась спросить, как жрецы помогают с выживанием, уж не своими ли чудодейственными молитвами за ракушечные деньги, как калитка их огородика скрипнула, и на узкой дорожке появилась Амалика.

Растрепанная, покрытая с ног до головы пылью, в порванной юбке, она торопливо шагала прямо к мальчикам. Порывисто присев, обняла двоих самых маленьких и уткнулась носом в их темные макушки.

– Твои, что ли? – грубовато спросила Таис.

Амалика приходила к ним часто, но ни разу не приводила младших мальчиков. Говорила, что те шумные и будут только мешать. Ничего себе шумные! Даже имени своего не осмелились произнести!

– Наши, – тихо проговорила девочка. – Они уцелели! Как они уцелели?

Амалика подняла глаза на Таис, и та увидела набухшую влагу, дрожащую на ресницах. Миг, и по запыленным щекам побежали светлые слезы.

– Этих двоих лично я сняла с дерева. Зачем ты их оставила? Мы помогли бы спасти детей, надо было просто попросить о помощи. И у тебя есть два старших брата, они вполне могли защитить вас. Где ваши Нат и Сет?

– Они с отцом, ушли первыми и увели жителей.

– Первыми сбежали, значит. А младшие? Почему ты их оставила?

Амалика торопливо вытерла слезы и отвернулась.

– Так надо, – тихо проговорила она. – Мы пойдем. Спасибо тебе.

Она проворно поднялась, подхватила маленького на руки, тот, что постарше, привычно вцепился в ее юбку, и Таис и охнуть не успела, как все трое вышли за калитку.

– Так надо? – Таис повернулась к Наде и уставилась на нее. – Кому надо? Ты знаешь?

Надя лишь покачала головой и мрачно поджала губы. Может, она что-то и знала или о чем-то догадывалась, но не говорила.

Таис вздохнула, поднялась, взяла за липкие ладошки оставшихся детей и повела их по лесенке вниз к водопаду. Этих чумазных надо было отмыть, а то, пожалуй, и собственные родители не узнают.

2

Деревянный мостик упирался в каменный пятачок, рядом с которым вода шумной блестящей лентой сбегала в ожидающий ее внизу океан. Водяные струи не умолкали никогда, и Таис даже во сне слышала их ворчливый и беспокойный гомон.

Водопад не был холодным: узенькая речушка, из которой он рождался, текла под горячим, беспощадным солнцем и прилично нагревалась. Да и воздух к полудню стал тяжелым, налился жарой и повис неподвижной массой. Масса воздуха над блестящей массой воды.

Потому Таис без зазрения совести стянула с мальчишек рваные длинные рубашки и сунула всех троих под струи воды, падающие на каменный пятачок. Те покорно зажмурились, съежились, самый младший возмущенно пискнул и закрыл глаза ладошками.

Ее поразила беспомощная худоба детей, а на ногах – следы от хворостин, которыми их стегали взрослые. Здешних детей всегда наказывали за малейшую провинность.

– Мойтесь, не стойте, – грубоватым голосом сказала Таис, стараясь прогнать одолевшее ее смущение.

Впрочем, быстрые струи и сами отлично справились с работой, смыв с мальчиков остатки пыли и грязи. Вместо мыла островитяне использовали отвар каких-то мыльных корней, который очищал и смягчал кожу. Отвар стоял тут же, на каменной полочке, рядом с мочалкой. Здешний закуток все домашние Таис использовали вместо душевой. Этим отваром Таис и воспользовалась, окончательно приведя детей в порядок.

Отмытых мальчиков она отправила на солнышко, которое с готовностью высушило их мокрую смуглую кожу. Теперь дети выглядели чистыми и вполне милыми, осталось только постирать ту рвань, в которую их одевали родители. Таис горестно вздохнула и взялась за стирку, желая про себя, чтобы черти побрали и нелегалов, и их остров.

Когда наконец все четверо поднялись наверх, к столику и печке, на соседнем огороде уже возились хозяева, они складывали трупы обезьян в деревянную тележку. Трудились, как всегда, женщины: хозяйка и две ее дочери, девочки-подростки. Охая и причитая, они оглядывали поврежденные посевы, собирали черепки посуды и разбросанные продукты.

Их небольшой двухэтажный домишко, такой же, как и у Таис, не пострадал. Крыша осталась целой, да и на деревянной веранде почти не было мусора. Зато забор со стороны улицы был повален, калитка тоже лежала в пыли.

Аккуратные овощные всходы на огороде Таис выглядели как насмешка посреди всеобщей разрухи. Только у них во дворе все уцелело, только до их дома обезьяны не смогли добраться.

Соседка, разогнувшись и перестав подбирать в подол вывороченные из земли кусты картофеля, заметила Таис и мальчиков, охнула, показала на них пальцем и что-то прокричала. Потом подошла к забору и заговорила.

– Это же дети Тамила. Его это дети. Их оставили для обезьян. Как они выжили? Обезьяны не стали их есть? Не приняли жертву?

Голос женщины звенел от напряжения, она хмурилась и так смотрела на мальчиков, словно они были привидениями или жуткими обезьянами.

– Какая жертва? – тихо спросила Надя, прекратившая вытирать посуду. Она поставила неровную глиняную миску на стол и не спеша приблизилась к забору.

Соседка отрицательно мотнула головой, почему-то зажала рот смуглой ладонью, словно только что сболтнула страшную тайну, отступила на несколько шагов, не сводя глаз с мальчиков, после снова принялась за работу. Ни слова больше от нее не удалось добиться, а ее дочери и подавно молчали.

– О какой жертве она говорила? – не поняла Таис.

– Видимо, они оставляют детей обезьянам, чтобы задобрить тех. Что еще может быть? – рассеянно проговорила Надя.

– Что значит оставляют своих детей? Им что, делать нечего? Они не любят детей?

– Кто их знает, – озадаченно ответила Надя и вдруг наклонилась к мальчикам и прижала к себе всех троих.

– Вот почему они так чтут фриков. – Таис хмыкнула. – С таким подходом половина из них превращается в белых чертей. Священные предки, как они их называют! Ничего себе! Только дулю они получают, а не этих мальчиков.

Надя мрачно кивнула, подхватила на руки младшего, взяла за руки старших и повела детей в дом.

3

Григорий и Федор вернулись только к вечеру. Уставшие, покрытые пылью. Под глазами темные тени, руки и одежда в запекшейся крови животных.

– Вы целы? – первым делом спросила их Надя.

– Оба, – коротко ответил Григорий. – Мы мыться, пока не похолодало. Рыбалки сегодня не будет, собирается буря. Уже нагнало тучи. Так что моемся, едим и ложимся спать.

И в этот момент Григорий заметил трех мальчишек, молча сидевших на расстеленном на деревянном полу клетчатом шерстяном одеяле. Дети немного успокоились, наелись – что было главным – и теперь тихо играли палочками, камешками и тоненькими лоскутками. Перед ними стояла тарелка с лепешками, и они время от времени таскали оттуда куски.

– Это кто? – не понял Григорий.

– Дети, – только и сказал Федор. – Те самые мальчики, которых мы спасли. Их никто не ищет, правильно, Тай?

– Их специально оставили, как жертву, – ответила Таис.

И вдруг ее осенило. Можно ведь все спросить у Амалики! Ее братья тоже оставались в деревне! Их тоже оставили в качестве добровольного приношения обезьянам!

– Я сейчас, – проговорила она и выскочила на улицу. Пробежала босиком по мягкой пыльной тропинке, ведущей к калитке.

Длинная темно-красная юбка с оборками путалась между ног, пришлось подхватить подол. Амалика жила на другом конце деревни, ее домик не нависал над океаном, а распо-

лагался на холме, и вокруг него раскинулся ухоженный сад. Фруктов в доме Амалики всегда было полным-полно, потому детей оставили на верную смерть вовсе не из экономии.

Вот и высокая травяная крыша дома старейшины Йомена. Из трубы тянется дымок, сложенный из камней забор стоит себе как ни в чем не бывало. Обезьяны, судя по всему, не добрались до зажиточного хозяйства главы деревни. Двое старших мальчиков сгребали валявшийся на дороге мусор – черепки и обезьяний помет.

– Тебе чего надо? – грубо спросил старший и неприязненно посмотрел на Таис.

– Я к Амалике. Она дома?

– Дома. Наказана. К ней нельзя. Так что проваливай и занимайся своим делом, женщина.

Таис нахмурилась, посмотрела на высокий забор. Что еще за ерунда? Кто наказал Амалику? Как вообще можно наказать взрослую самостоятельную девушку? Амалика решала в своем доме все вопросы, связанные с деревенским бытом. Стирка, готовка, огород, уборка – все это было на ней. Она считалась главной, и старшие мальчики без возражений слушались, когда она требовала от них принести топлива для печи или отправляла на прополку длинных огородных грядок.

– Чего встала? – Подросток приблизился и угрожающе сжал кулаки.

Он был выше Таис на целую голову, его загорелые крепкие руки, привыкшие к тяжелой работе, уперлись в бока, в глазах сверкнуло жесткое презрение. Сколько ему лет? Тринадцать? Или четырнадцать? Он точно не превратится во фрика в ближайшие пару месяцев?

– Успокойся, – хладнокровно сказала Таис. – Я уже уйду.

С местными в драки не вступать. Это единственное правило, которому учил ее Федор.

А хотелось. Вот прямо сейчас наподдать этому здоровяку со злыми глазами, чтобы знал, как обижать девушек. Ишь разумничался. «Занимайся своим делом, женщина...»

Показать бы ему, где его дело, мужчина в коротких штанах...

А штаны у старших сыновей Йомена действительно едва доставали до колен. Покрытые пылью загорелые ноги всегда были босыми, даже во время дождей и штормов. Таис уже не раз видела, как они помогали отцу с рыбой или смолили лодки на берегу. Они участвовали в каждой рыбалке и были ловкими и смелыми пацанами. Но до ужаса глупыми и невоспитанными.

Таис вздохнула, развернулась и пошла прочь. Миновала главную площадь, еще раз посмотрела на молчаливые деревянные фигурки обезьян. Потом остановилась как вкопанная.

На шее у каждой фигурки висел венок из цветов. Желтые и оранжевые соцветия, перемежающиеся искусно вплетенными длинными ярко-зелеными листьями. Совсем свежие венки, только что сплетенные. Цветочные лепестки блестят капельками воды, и на грубом дереве с потрескавшейся краской все это смотрится настолько странно, что Таис поежилась.

Они что, почитают и обезьян тоже? Еще одни священные предки?

4

Объяснений не было.

Федор, уставший так, что засыпал прямо с куском лепешки в руке, в ответ на Тайкины вопросы лишь пожал плечами.

– Они же дикари, чего ты от них хочешь? – сонно проговорил он. – Григорий сразу сказал, что с нелегалами будет непросто.

– Ничего себе непросто... Да они убийцы собственных детей, если уж на то пошло, – возмущалась Таис.

– Не первый раз с таким встречаемся, верно? Чего удивляться? Они почитают фриков, а фрики пожирают собственных детей. Не при Пушистике будь сказано, конечно. – Федор усмехнулся и устроился на кровати. Подложив руки под голову, он нехотя продолжил: – Раз они поклоняются фрикам, то и поступают как фрики.

Пушистик, который после удачной охоты спал под кроватью, возмущенно заворчал, услышав свое имя. Он был умным зверем и человеческую речь понимал довольно сносно.

– Отлично. Чему мы удивляемся? – покачала головой Таис.

Солнце опускалось за гору. Где-то со стороны огородов его прощальные лучи окрашивали в красные тона склоны гор, поросшие лесом, и пыльную деревенскую дорогу. Долгий и тяжелый день заканчивался.

– Да, сегодня пришлось повозиться, – проговорила Таис, снимая с полки полотенце. – Пока поубивали обезьян, пока покормили детей. После поливали огород и готовили ужин. Удивительно, как ты только на ногах держишься...

– Никак, – пробормотал Федор, не открывая глаз.

– Вот и спи. Я сейчас приду, – сказала Таис и направилась к водопаду.

Воздух все еще оставался жарким, липким и тяжелым, но с океана уже тянуло долгожданной прохладой. Правда, ветер крепчал с каждой минутой, а фиолетовые тучи над водой набухали на глазах, обещая ночной дождь. Но это было хорошо. Если ночью прольется ливень, то днем не надо будет надрываться с поливкой огорода.

Таис скинула надоевшую юбку, стянула узенький топ с бретельками и шагнула под прохладные струи. Вода тут же загасила накопленный за день жар, заставила быстрее двигаться и торопиться. Голова прояснилась, усталость и вялость куда-то делись. На самом деле ничто так не бодрило, как холодное купание по вечерам.

Полотенцем служил кусок старой ткани. Это Амалика снабдила их нужными вещами, и если бы не забота девочки, пришлось бы обходиться без полотенца, простыней и много чего еще. При воспоминании о подруге в душе завожилась тревога. Неприятное чувство, не дающее покоя. За что, спрашивается, была наказана Амалика? Что такого она успела натворить?

Растерев кожу до красноты, Таис натянула длинную мужскую рубашку, а топик и юбку торопливо простирнула. К утру все высохнет. У нее была только эта одежда, другой никто не предложил. И взять было неоткуда. Всю одежду деревенские жители шили сами, а Таис в рукоделии не смыслила вообще ничего. Казалось, легче убивать фриков, чем шить юбки.

Ее руки теперь покрывали шрамы. От мелких ожогов, когда топила печь и готовила еду. От колючих кустов, среди которых приходилось продираться в лесу. Мозоли делали ладони твердыми и шершавыми. На запястье одной руки – темноватый след от ожога с того дня, как убегали с острова Саб. На предплечье другой – шрам от лучевого выстрела. Когда-то робот со станции зацепил.

У Федора теперь тоже хватало шрамов. Раны, нанесенные фриками, зажили без следов благодаря новейшим средствам со станции, но после ранения на плотках у него остался твердый, все еще багровый рубец. И точно так же, как у Таис, его ладони загрубели и покрылись мозолями. Здешняя жизнь забирает всю мягкость и нежность даже с рук, оставляя только шишки, синяки да мозоли.

Выживать тут приходилось нелегко. Но Федору почему-то эта жизнь нравилась. Свобода, как он говорил.

Но Таис думала, что хорошо бы эта свобода не была такой ограниченной. Чего-то не хватает в такой свободе. Как будто нечем дышать от назойливой жары, как будто давит что-то на плечи. И дело вовсе не в том, что приходилось довольствоваться одной обтрепанной юбкой и одним сереньким топом. Дело в чем-то другом, только вот Таис никак не могла выяснить, чем же так опасен остров нелегалов.

После купания она забежала к Наде. Григорий так же, как и Федор, уже спал. А на полу, на одеяле сопели трое мальчиков. Теперь, чистенькие, причесанные и накормленные, они казались симпатичными. Круглые щеки, темные волосы, крепкие кулачки. Сколько им? Шесть? Или чуть больше?

– Не пришли за ними родители? – тихо спросила Таис, хотя и так было ясно, что не пришли.

Надя лишь покачала головой. Потом вдруг сказала решительно и твердо:

– Я бы их оставила у себя. Дети неухоженные, голодные, избитые. Такое чувство, как будто в семье они лишние. Мы бы их вырастили.

– Так и оставляй. Все равно при следующем обезьяньем нападении их снова принесут в жертву.

– Оставлю. Если никто не придет. Рыбы и лепешек и на них хватит.

Таис улыбнулась и ушла к себе.

Значит, Надя нашла тех, кого будет любить. Вот и славно. Очень славно.

Она вернулась к себе, постояла у порога, прислушиваясь к спокойному дыханию Федора, осторожно поставила на небольшой столик у печи принесенный кувшин с водой и уже собралась было укладываться, как ночную тишину разорвал тягучий и медленный звук. Словно гудели в большой рог.

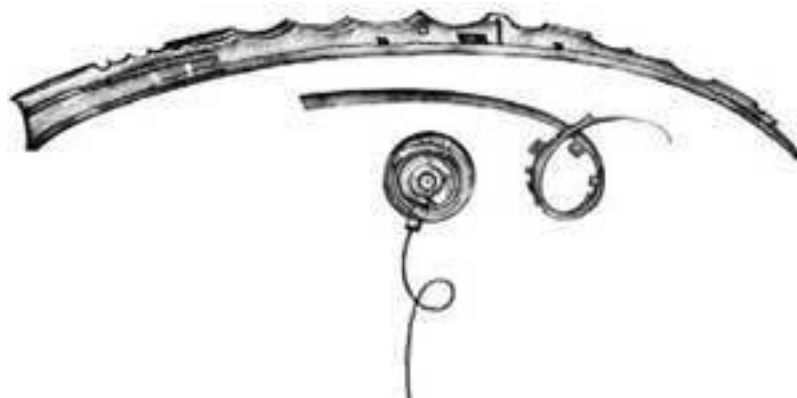
Федор тут же вскочил, ошарашенно обвел комнату тревожным взглядом. При свете тонкой, просмоленной лучины его глаза показались дикими и злыми.

– Что это? – не понял он.

– Еще одни обезьяны? – пробормотала Таис и открыла дверь, впуская прохладный воздух.

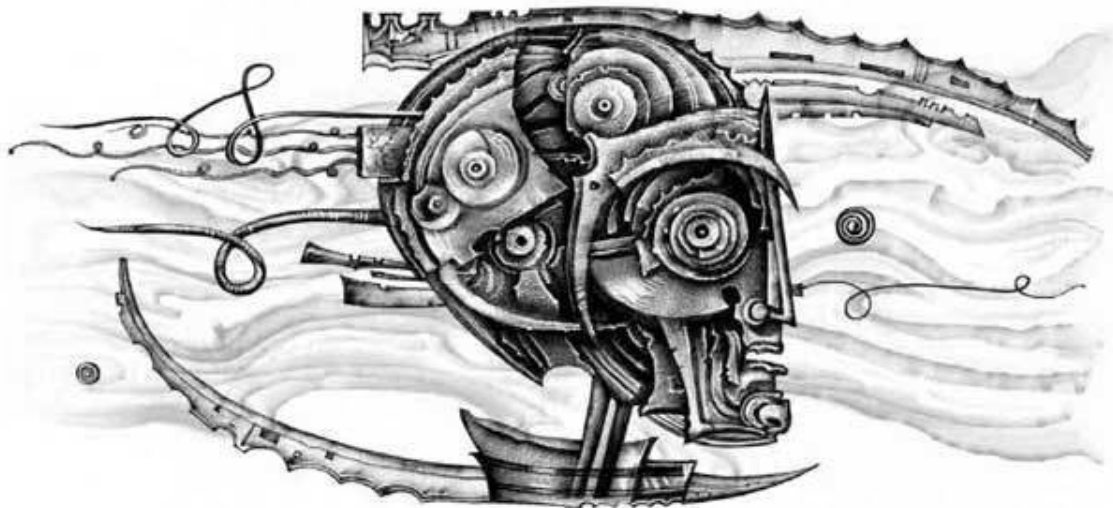
– Общее собрание деревни! – закричали с дальнего конца мостика соседи. – Все на общее собрание!

– И не поспишь в этой деревне, – буркнула Таис и потянулась к сундуку за штанами.

Глава 6

Эмма. Коридоры, роботы и глюки

1

Иногда жизнь становится похожей на гигантскую спираль, которая поднимается и поднимается вверх одинаковыми витками. Похожие события наслаиваются, и возникает стойкое чувство, будто ты уже был в этом месте, уже переживал что-то подобное.

Совсем недавно Эмма провожала Таис и Федора, которые покидали станцию, вылетая на задание. Теперь она сама улетала, чтобы выручить Люка. Возможно, они с близнецами совершают ошибку, возможно, они не вернутся из этого рейда. Но так тому и быть. Смерть случается даже с друзьями, и от нее невозможно спрятаться.

Эмма горько вздохнула. Она смотрела, как закрывается дверной проем катера, как становится прозрачной передняя часть стены. Вот дрогнул пол, оплели пульт гибкие зеленые усики, раздалось тихое, мерное гудение. Сквозь смотровое окно Эмма увидела, как Мэй-Си покинула шлюзовой ангар, потом катер развернулся и устремился к открывающимся тяжелым створкам, за которыми начинался космос.

Рядом сидел Ник, напряженный, готовый действовать и, если нужно, умереть за брата. Он не боялся, Эмма не ощущала ни капли страха в его действиях. И она сама тоже не боялась. Злилась – да. Ставшая такой привычной, злость помогала в битвах, и Эмма ее не сдерживала.

Катер Люка погиб, потому решили, что Эмма полетит вместе с Ником. И вот перед ними космос, бескрайний, бесконечный и холодный. Летательный аппарат легко набрал скорость и понесся сквозь темноту, словно круглая серебристая пуля. Впереди поблескивал катер Жака, и по межпространственной связи можно было слышать его довольный и бодрый голос.

Жак был доволен, что они наконец-то спешат на помощь старшему брату.

– Какой у нас план? – спросил Ник, включаясь в разговор.

– Пусть теперь Эмма предлагает, – ответил Жак. – Она знает устройство станции.

Эмма понимающе кивнула, приблизилась к окну, положила ладонь на гладкий пульт, которым управлял росток по имени Иасси.

– Нам надо забраться как можно выше. На верхнем уровне станции есть специальные люки. Такие же есть и внизу, но выход из них неудобный, можно легко попасться. А верхние люки – их два – выводят в узкие коридоры, ведущие к кабельным каналам. Пролезет там только худенький, но мы ведь не толстые, правильно?

Ник довольно усмехнулся. Сейчас его глаза блестели уверенно и жестко, он выглядел как настоящий древний воин. Длинные передние пряди волос убраны назад и крепко стянуты кожаным шнурком. На запястьях темнеет несколько браслетов, которые Ник носил не снимая. Неизменная сережка в ухе, плотный универсальный скафандр, такой же, как у Эммы.

Ник дорожил браслетами и никуда не выходил без них. Эмма никогда не спрашивала, что это за штуки и зачем они нужны. Думала, что скорее всего для красоты. Традиция или еще что-то. Для нее это не имело никакого значения.

– Если бы могли подобраться незаметно, – пробормотала она, всматриваясь в экран.

Они успели обогнуть «Дракон», и теперь перед ними висело круглое и приплюснутое тело станции. Тяжелый темный диск среднего уровня, над ним слегка поменьше – верхнего. Основной, самый нижний, время от времени вспыхивал короткими вспышками – то ли иллюминаторы, то ли еще что. Может, даже сигналы.

– Интересно, что там? – пробормотал Ник на родном языке.

Его рука легла на рукоять меча, пальцы сжались, готовые к бою.

– Нам надо быть предельно осторожными во время перехода на станцию, чтобы не уплыть в открытый космос, – проговорила Эмма.

– Не уплывем. Говоришь, надо незаметно подобраться? Можно сделать катера невидимыми, есть такая опция. – Ник по-прежнему говорил на своем языке, ему так было удобнее. Эмма понимала его отчасти с помощью Иасси, отчасти сама, потому что незнакомый язык становился все понятнее и какие-то слова оказались довольно простыми.

– Сделайте, – медленно выговорила она на языке Ника.

– Отлично звучит, – улыбнулся он и глянул на Эмму, блеснув темными глазами. – Быстро схватываешь. Только если на станции управляют всем роботы, они почувствуют наше приближение.

– Пусть чувствуют. Их надо сбить с толку. Пусть ждут нас у шлюзов! – Эти длинные фразы Эмма произнесла уже на всеобщем.

– Точно! Ты молодчина. Жак, ты понял? Направляемся к шлюзам, траекторию меняем уже после того, как приблизимся, а после станем невидимыми. Пусть ждут нас.

– Они будут ждать нас у шлюзов, а мы подберемся сверху! Молодец, Эмма, соображаешь! – прозвучал в динамиках довольный голос Жака.

Эмма не ответила. Все еще было впереди, не стоило слишком рано радоваться.

Станция приближалась, становилась большой, просто громадной. Скоро весь обзор в окне занял ее темный бок, и Эмма могла отчетливо разглядеть круглые заклепки на обшивке, гладкие спаянные швы и слепые, погашенные иллюминаторы. Впрочем, окон на станции было немного. Основные жилые помещения располагались глубоко внутри уровней.

Катер нырнул к шлюзам нижнего уровня, на какое-то время завис перед гостеприимно распахнутым входом, а потом вдруг что-то произошло. Стены вдруг коротко завибрировали, и Ник сообщил, что катер стал невидимым.

– Совсем? – уточнила Эмма.

– Абсолютно, – лаконично ответил Ник.

Стало тихо. Они медленно поднимались. Эмма не отрывала взгляда от обшивки станции, все смотрела и смотрела. Ей вдруг захотелось о чем-то поговорить с Ником, чтобы он хоть что-нибудь сказал, прежде чем станет некогда и смертельная опасность окажется слишком близко.

Эмме вдруг очень сильно захотелось еще раз услышать голос Ника совсем рядом и свой голос тоже. Наверное, она таким образом цеплялась за жизнь, хотя сама смерть уже не казалась страшной. Ведь Колька умер, просто взял и умер. И ничего больше не случилось, мир не перестал существовать, не растворился, не развалился на куски.

Эмма посмотрела на Ника, подумала почему-то, что он красив, что у него выразительные черные глаза, совсем черные, кажется, еще чернее, чем у Колючего. Черные низкие брови, мягко очерченные губы, привычка щуриться (возможно, он плохо видит?).

Эмма совсем мало знала его, они не успели толком сдружиться. В дружной семье-команде «Дракона» было уютно и тепло, к неожиданной гостье относились бережно и с пониманием. Но заводить новые отношения не хотелось. Не хотелось опять привыкать, прикипать к людям. Не хотелось после снова переживать боль потери.

Может, она действительно любила Колю, поэтому после его смерти все словно замерло внутри, остановилось?

Эмме не хотелось об этом думать. Это уже не имело значения, это осталось позади, скрылось в прошлом и никогда больше не вернется. Так какой толк думать об этом?

– Для чего тебе эти браслеты? – все-таки задала вопрос Эмма.

Ник оторвался от овального окошка, обернулся быстро и нервно.

– Это обереги. Их делала моя мама. В них хранится сила Настоящей матери, – быстро проговорил он.

– Кто такая Настоящая мать? Это еще одна форма жизни?

– Это наша планета. Она наш дом. Бусины из дерева куттур. Дерево несет в себе тепло Живого металла. Оно растет там, где находятся источники Живого металла, поэтому вбирает в себя жар планеты. – Ник говорил на своем языке, и Иасси быстро переводила его слова. – И еще эти бусины – часть моего дома. Наша мать всегда нас любит и ждет домой. Настоящая мать и моя мать связаны, они как источник тепла и жизни. Ты понимаешь?

Чужая речь сливалась с переводом, Эмма слушала незнакомые слова, пыталась запомнить, но уловить странный смысл не могла.

– Это значит, что через бусины ты можешь связаться с матерью? Это средство связи? – уточнила она.

Ник вдруг сделал непонятный жест, показал раскрытую ладонь с растопыренными пальцами, коротко мотнул головой, словно бы не соглашаясь. После сказал, что расскажет потом, и надел шлем.

Пора. Катер подлетел вплотную к самой верхушке станции и замер, почти соприкасаясь с обшивкой. Пришло время стыковки.

2

Схему станции Эмма знала хорошо, даже слишком. Достаточно было закрыть глаза, и появлялись трехмерные чертежи, обозначения переходов, лестниц, лифтов. Каюты, детский парк. Верхний уровень с жилыми отсеками и капитанской рубкой.

Все настоящее, подвижное, объемное.

Для ремонта точек внешней связи имелись специальные люки, ведущие на поверхность станции, на внешнюю обшивку ее верхнего уровня. Рядом с таким люком и остановились оба катера. Машина Жака стала невидимой, но он сообщил товарищам, что второй катер тоже здесь.

– Как же мы выйдем? – Эмма посмотрела на Иасси. – Вакуум космоса вытянет из катера весь воздух. Что будет с ростком?

– Он укроется во внутреннем отсеке, рядом с Живым металлом, – ответил Ник, – а после атмосфера катера восстановится.

Эмма понимающе кивнула и тоже надела шлем.

Едва они приготовились, едва прицепили к поясу тросы, не позволяющие случайно улететь в космос, как росток действительно сжался, стал тоненьким, узеньким и юркнул в пол, туда, где находилась колба с уникальной плазмой. После этого люк медленно съехал вниз, но на этот раз не превратился в узкие ступеньки, а просто повис небольшой блестящей каплей.

Ник первым шагнул в невесомость, в пустое пространство, сделал несколько медленных движений, потом посмотрел на Эмму, кивнул, и в Эммином шлеме зазвучал его бодрый голос.

– Никаких резких движений, выплывай очень медленно и мягко. Тут небольшое расстояние.

Эмма двинулась вперед, а Ник между тем уже успел зацепиться за выпуклые скобы, располагавшиеся рядом с круглым люком. Скобы, специально предусмотренные для того, чтобы можно было передвигаться по обшивке станции.

– Как мы откроем люк? – спросил Жак, странным образом материализовавшийся из пустоты космоса и теперь плавно и медленно приближавшийся.

– Откроем, – заверила его Эмма.

У нее чудом сохранилась Колькина флешка с универсальным кодом, с помощью которой они открывали все двери на Моаге. Эмма, всегда носившая флешку на шее как память о Колючем, сжимала ее в кулаке, радуясь, что пригодилась.

Действительно пригодилась. И действительно открыла люк, как только ее вставили в специальный замочный разъем. Тихий, еле слышный щелчок, и путь оказался свободен. Вперед, на станцию!

Едва под ногами оказалась твердая поверхность пола, а плечи уперлись в стены узкого коридора, с души схлынули тревога и напряжение. Это опасное место, чужая станция, но все-таки здесь лучше, чем в открытом космосе, пугавшем своей бесконечностью.

Эмма пробиралась вперед первая, все больше погружаясь в густую непроницаемую темноту. Едва за Жаком и Ником захлопнулся люк и сработал автоматический замок, крошечный коридорчик наполнился гудением установок, накачивающих теплый воздух. А чуть позже где-то под потолком загорелись маленькие лампочки, и перед непрошеными гостями появилась дверь, выводящая из маленького шлюза.

Эмма и ее открыла с помощью флешки. Сняла лазерным лучом точечные тепловые датчики на стене – она легко угадывала их местонахождение, просто чувствовала, как они срабатывают, засекая тепло человеческих тел. Перед ними лежал узкий и темный коридор, но темнота была обманчивой. Станция жива, это Эмма поняла сразу, как только оказалась в ее стенах.

Станция жива, и управляют тут всем роботы.

Иасси и росток Жака остались снаружи, в катерах. Они не могли попасть на станцию сами по себе, без катера. Нику, Жаку и Эмме приходилось рассчитывать только на свои силы.

– Люк, ты нас слышишь? – тихо заговорил Жак, но Эмма тут же обернулась и приложила палец к губам. Помотала головой.

Не стоит сейчас выдавать себя. Люка они и так найдут, когда окажутся рядом со шлюзами. Вряд ли он ушел далеко от нижнего уровня, скорее всего, прячется где-то в тех коридорах.

– Слышу, – тихо прозвучало в шлеме у Эммы. – Но не только я слушаю вас. Станция тоже слышит.

– Где ты? – быстро выдохнула Эмма.

– Не говори! – Ник дотронулся до ее руки и выразительно поднял брови.

Люк не ответил. Эмма чуть не прикусила язык, рассердившись на себя за несдержанность. Они найдут Люка, когда разберутся, что происходит на станции. А они обязательно разберутся...

Ник стянул с головы шлем и заговорил горячим, быстрым шепотом, делая смешные ошибки в произношении.

– Мы будем смотреть на станцию. Надо ее посмотреть. Вдруг мы сможем ее выключить.

– Без Настоящих деревьев? – с сомнением прошептала Эмма.

– Да, – ответил Жак. – Мы посмотрим, что тут есть, что осталось. Может, большинство роботов мертвы и осталось только выключить главный мозг. Ты знаешь, где тут может быть центр управления, нам надо попасть туда.

– Знаю, где должен быть, – кивнула Эмма.

– Тогда пошли посмотрим.

Они двинулись вперед по узкому, темному коридорчику с гладкими стенами. Потом Эмма, ловко подковырнув, выломала панель на стене, и тонкий луч фонарика Ника осветил цветные толстые кабели, скрывающиеся во мраке, точно диковинные змеи. За ними виднелся более широкий проход.

– Нам туда. Так мы выйдем точно в центр верхнего уровня, – сказала Эмма.

Свет не горел нигде, ни малейшей искры, ничего. Мрак казался плотным, осязаемым, а тишина – мертвой и холодной. Здесь было довольно прохладно, и только надежные костюмы-скафандры защищали от переохлаждения.

– Тут не больше пяти градусов тепла, – пробормотала Эмма.

Она пробиралась следом за Ником, и замыкал их небольшой отряд Жак. Братья держали наготове мечи, пронзительным голубым светом буквально рассекающие темноту. У Ника еще был фонарик, закрепленный на поясе: тоненькая трубочка, дающая яркий сноп света.

Немного мешали шлемы, которые приходилось нести в руках. Точки связи в шлемах были предусмотрительно выключены, чтобы роботы станции не могли их найти. В то же время и бросить шлемы – не бросишь. Без них не выберешься наверх, к катерам.

– Может, оставим шлемы тут, в кабельной шахте? – неуверенно предложила Эмма. – Все равно придется возвращаться этим путем. К катерам попадем только через верхний люк.

– Оставим, – с готовностью согласился Жак. – Тут наверху на кабелях есть удобное место.

Наконец освободились от неудобной ноши. Теперь двигаться стало гораздо проще. Ник прибавил шаг, протискиваясь в узких местах с ловкостью гибкого животного. Эмма не отставала.

А вокруг была тишина и мрак. И казалось, что все в этих коридорах умерло, все погибло и не осталось ничего живого. Только Люк, затерявшийся во мраке. Его и предстояло найти.

Но в глубине души Эмма все больше и больше понимала, что не все тут просто. Опасность буквально пряталась за стенами. И самое главное: никто из них понятия не имел, что это за опасность. Что за жизнь обитает в мертвых стенах? Жизнь, которой вроде бы и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.